

Гражданская дискуссия
«Россия, XXI век: неприкосновенность частной жизни – а) невозможна, б) не нужна»

Отчет о проведении дискуссии

Пермь, 2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Концепция дискуссии

Концепция дискуссии, вопросы для обсуждения

2. Материалы к дискуссии

Раздаточные материалы, тезисы выступления экспертов В.М. Ракова, И.В. Костериной, О.Н. Кочевой

3. Отчет

- Отчет о ходе дискуссии, выводы
- Список участников
- Стенограмма дискуссии

4. Приглашение на дискуссию

5. Текст публикации в газете «Личное дело»

1. Концепция дискуссии

Вопросы неприкосновенности частной жизни в России сегодня находятся вне пределов общественного внимания и обсуждения. Государство озвучивает инициативы по ограничению приватности: введение различных процедур идентификации личности и контроля, упрощение процедур прослушивания, создание новых баз данных, расширение сети видеонаблюдения и т.п., а в обществе просто отсутствуют условия, для какого бы то ни было обсуждения вводимых и появляющихся ограничений неприкосновенности частной жизни, нет договоренностей по поводу допустимых и недопустимых пределов вмешательства и представлений о ценности приватности для граждан и их готовности отстаивать свои права.

Формально действуют законодательные нормы по защите неприкосновенности частной жизни, однако в их эффективности можно усомниться, поскольку право на приватность остается неостребованным. Имеет место большое число нарушений приватности в обыденной жизни в разного рода учреждениях: больницах, школах, колониях, детских домах и т.п.; и разного рода структурами, в т.ч. средствами массовой информации, спецслужбами, милицией, чиновниками, маркетинговыми компаниями и частными корпорациями. Нарушения приватности не воспринимаются в обществе как целостное явление, какой-то социальный изъян и не обсуждаются. Они всегда остаются частной проблемой взаимоотношений между пострадавшим и нарушителем (журналистом, милиционером, учителем и т.д.), поскольку у нас есть закон, к которому можно обратиться за защитой.

В реальной жизни отношение граждан к проблеме неприкосновенности своей частной жизни мало зависит от наличия законодательных норм защиты приватности. В большей степени это отношение зависит от особенностей культуры, традиций и правил поведения, и наличия реальных возможностей отстоять свое право. Возможности же отстоять нарушенное право зависят от принципов функционирования всей государственной системы, от «административных обычаев» и готовности «системы» отнестись к отдельному гражданину как к субъекту права. Эта готовность также создается и не создается на фоне наличия или отсутствия каких-либо общественных договоренностей по поводу приватности.

В отношении к праву на частную жизнь с очевидностью проявляется конфликт двух условных мировоззренческих концепций, приписываемых к двум разным поколениям: 1. Приоритет советских общественных, коллективных ценностей над личными ценностями, давление общества и коллектива над индивидом и индивидуальностью в советскую эпоху. 2. Индивидуализм, свобода, автономия личности в современных условиях. Между тем, эти два подхода лишь задают определенные исторические рамки, но не раскрывают того, как реализуется приватность и что она охватывает. Чем была приватность тогда, и чем она является сейчас? Независимо от границ осознания неприкосновенности частной жизни, ценность ее всегда представлена в обыденной жизни набором практических смыслов, которые для разных людей представляют свою иерархию, и, по всей видимости, существует поколенческий набор атрибутов частной жизни.

Новые условия изменяющегося общества способствуют усилению потребности в защите неприкосновенности частной жизни и человеческого достоинства. Появляются новые угрозы частной жизни. Уже отвоєванная у государства свобода и формально закрепленное право на уважение человеческого достоинства остаются не освоенными. Люди уже не думают о приватности в парадигме политических требований, еще не освоили ее в качестве инструмента, которым можно пользоваться в случае нарушений прав, но ощущают наступление еще не до конца определенных но ощутимых угроз приватности. Явно это проявляется в Интернете: известно, что спецслужбы имеют доступ к электронной переписке пользователей, но это то, что невозможно увидеть своими глазами, в чем невозможно убедиться, и сохраняется некая иллюзия приватности и, при этом, неприятное ощущение, что это только иллюзия.

Отношение к неприкосновенности частной жизни является удобным индикатором определения мировоззренческих позиций: восприятие этой ценности отражает отношение к власти, к правам человека и степень самостоятельности и социальной активности личности и т.д.

Вопросы для обсуждения:

- Что такое частная жизнь? По каким критериям мы определяем границы собственной частной жизни?
- Каковы современные и актуальные для аудитории угрозы частной жизни?
- Каковы пределы и допустимые мотивы вмешательства в частную жизнь, которые могут восприниматься как болезненные, но необходимые?
- Существуют ли поколенческие различия в отношении к частной жизни как ценности?
- Существуют ли отличия «поколенческих наборов атрибутов частной жизни»?

Ожидается, что обсуждение вопросов приватности поможет выяснить насколько стыкуются между собой поколенческие культуры в отношении приватности; «зацепить» нестыковку в содержании и языке «приватных ценностей» различных, прежде всего, возрастных групп; составить перечень доводов «за» и «против» приватности в современных условиях и уловить, существуют ли люди/группы, заинтересованные в продвижении приватности как ценности.

Для введения в тему обсуждения участникам дискуссии предложены раздаточные материалы об актуальности обсуждения неприкосновенности частной жизни и о том, что такое частная жизнь. В качестве экспертов на дискуссию приглашены Ирина Владимировна Костерина, сотрудница Научно-исследовательского центра «Регион» (Ульяновск), который специализируется на различных исследованиях молодежи; Вячеслав Михайлович Раков, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Пермского государственного университета; Ольга Николаевна Кочева, координатор направления «Продвижение в России права на уважение частной жизни» исследовательского проекта Пермской гражданской палаты «Будущее прав человека в России».

Во время дискуссии ведется видео и аудио-запись. Все материалы дискуссии публикуются на сайте Пермского регионального правозащитного центра и Пермской гражданской палаты в разделе «Гражданские дискуссии «Пермской Ассамблеи».

2. Материалы к дискуссии

Представление гипотез

В России право на уважение частной жизни не оценено и не осознано основной массой населения. Представления о нем размыты и неопределенны. Дискомфорт от неуважения частной жизни, который испытывает часть российских граждан, не становится предметом публичного обсуждения, не фиксируется обществом и государством как гражданская проблема.

Актуальность пристального внимания к приватности в современной России, на наш взгляд, обуславливается следующими обстоятельствами:

- Право на уважение частной жизни представляется очевидным гуманитарным благом, поэтому не может не настораживать недостаточная обеспеченность и непопулярность этого права в России.
- «Существование в режиме частной жизни» есть простейшая бытовая **школа** освоения личностью Индивидуальности, Свободы и Человеческого достоинства, важнейшее условие их ценностной актуализации.
- Для прав человека в России право на приватность может рассматриваться как **«точка роста»**. С одной стороны, это право концентрирует в себе в наиболее полном виде ценностную парадигму прав человека (оно безоговорочно индивидуально и непосредственно оберегает личную свободу и человеческое достоинство), с другой стороны, право на уважение частной жизни максимально приближено к человеку, растворено в нем, обыденно и психологично. Продвигая и защищая его, мы продвигаем права человека вообще, не рискуя при этом подменить права человека интересами отдельных групп.
- Право на уважение частной жизни служит **барометром отношения** к правам человека вообще, все по той же причине сконцентрированности в нем гуманитарного смысла и социальной роли прав человека.
- Право на уважение частной жизни – **инструмент настройки** правозащитной деятельности. Оно делает более понятной, для многих отвлеченную, сущность прав человека, задает верный вектор проблематики (личность – власть), и правильные точки отсчета (личная свобода и уважение человеческого достоинства). Именно апеллируя к праву на приватность, удобно обсуждать с человеком гуманитарную ценность прав человека вообще, содействовать ее осознанию.
- Право на уважение частной жизни наиболее удобный **гуманитарный индикатор и инструмент оценки** вводимых государством мер и ограничений в целях общественной безопасности.
- Именно и особенно в сфере частной жизни возникают **новые угрозы личной свободе и человеческому достоинству**, появляются новые возможности нарушений.
- Право на уважение частной жизни - это своеобразная передовая гуманитарного (не политического, не социального) сопротивления тоталитарному прошлому. Продвижение данного права может рассматриваться как наиболее эффективный гуманитарный инструмент модернизации российской жизни. Сегодня доводы о защите приватности могут быть услышаны, а сама ценность освоена именно в связи с конкуренцией прогрессивных и архаичных устремлений, реформ и контрреформ.

*Из материалов исследовательского проекта
«Будущее прав человека в России»,
<http://www.prpc.ru/reshr/privacy.shtml>*

Что такое частная жизнь

Каждый имеет собственное представление о том, что такое частная жизнь. Сколько есть человек, столько представлений о частной жизни, представления эти всегда индивидуальны. Поскольку они зависят от каких-то личностных психологических характеристик конкретного человека (мы говорим: он замкнутый человек, или "душа нараспашку"). Границы частной жизни с одной стороны определяет сам человек, с другой – они определяются наличием соответствующих норм и традиций, которые существуют в том или ином обществе в определенный исторический период.

Частная жизнь – это сфера жизни и быта, которая зависит от индивидуальных частных решений, это прежде всего сфера персонального выбора. Это то, что наполняет нашу обыденную жизнь, то, что сокрыто от посторонних, внутренний мир, мысли и чувства, отношения с другими людьми, любые формы уединения. Частная жизнь – это то, что человек определяет как свое личное дело.

Если мы соберем все, что, как мы считаем, является нашим личным делом, то увидим, что вокруг нас образуется некая оболочка. Каждый человек, осознанно или бессознательно, создает ее вокруг себя. Эта оболочка и может называться приватным пространством человека.

Приватность характеризует общение и взаимодействие между людьми. Взаимодействие **бывает приватным, касающимся только взаимодействующих людей, а бывает публичным, касающимся всех.**

Частная жизнь в первую очередь - это сфера персонального выбора и человеческой субъектности. Она центрирована вокруг человека, наделенного качествами субъектности и личности, человека, делающего выбор стиля жизни, друзей, партнеров. Сфера частной жизни предстает в современном мире своеобразным заповедником субъектности. Человек выбирает свою идентичность, пытаясь влиться в то или иное сообщество, сознательно планируют свой имидж, создают антураж, режиссируют жизненный путь, веря, что в жизни, как в хорошей пьесе, нет ничего случайного.¹

Неприкосновенность частной жизни (или приватность) создает «зону психологической безопасности», ограничивая социальный контроль пределами, которые можно определить как необходимые и достаточные.

Приватность, как право человека - «это свобода от постоянного наблюдения, свобода хранить про себя свои взгляды, мысли и суждения, свобода быть независимым и, когда ты этого хочешь, оставаться наедине с самим собой».² Американский исследователь Алан Уэстин выделяет такие значимые составляющие приватности как уединение, интимность общения, наличие психологических границ между индивидом и окружающими, анонимность. Без приватности, по его мнению, нет индивидуальности, есть только типы. Кто может сказать, что он думает и чувствует, если он лишен возможности остаться наедине со своими мыслями и чувствами?»³

Частная жизнь это то, без чего было бы невозможным говорить о свободе, достоинстве, автономии и индивидуальности. В общем виде смысл и значение категории «частная жизнь»

¹ Галанова Г. Частная жизнь в гендерном измерении// Сайт Харьковского центра гендерных исследований: URL: <http://kcgis.org.ua/RUSSIAN/7list/galanova.htm>

² Петросян М.Е. Право на неприкосновенность частной жизни.

³ Там же

выражены в ведущем мнении Верховного Суда США: «Вопросы, касающиеся наиболее интимных и личных выборов, которые делает человек на протяжении всей своей жизни – выборов, имеющих фундаментальное значение для достоинства и автономности личности – это вопросы фундаментального значения в свете свободы, охраняемой Четвертой поправкой. Сущность свободы заключается в праве на выбор своей собственной концепции существования, смысла вселенной и таинства человеческой жизни. Убеждения по этим вопросам не могли бы определять индивидуальных свойств личности, если бы они вынуждались Государством».⁴

Стремлению человека к приватности противостоит мало того, что его собственное стремление быть частью группы, так еще и социальный контроль, этот неотъемлемый элемент социальной жизни. Но если элемент дистанции, отделяющей публичную сферу от частной, исчезает, если люди приходят в чрезмерно тесное соприкосновение друг с другом. Эта навязанная скученность может вылиться в желание индивида расширить свою приватную область посредством выработки новых самостоятельных способов ограждения сферы личностного и интимного. В той пропорции, в которой приватная жизнь становится публичной, эта последняя сфера приобретает формы частной закрытости, что хорошо иллюстрирует институт соседства. Теснота соседских отношений имитирует закрытость определенного количества семей от более широкого социального круга. Приватное и публичное переплетаются в единый клубок социальных взаимодействий.⁵

⁴ Верховный суд США права и свободы граждан. Гольдман Р., Лентовска Э., Франковски С. – Польша: Из-во «БЕГА», 1999. С. 41.

⁵ Козырьков В.П. Методология измерения открытого общества. Тезисы доклада на конференции "Экспертиза открытого общества: анализ современной ситуации"

Тезисы к дискуссии:

“Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство... Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности невозможно: каторга не в пример лучше”. Пушкин (из переписки с женой)

1. Информационный карман

Право на частную жизнь или на частную сферу как юридическая категория родилось в США. В 1928 г. судья Верховного суда Л.Д.Брандейз официально заявил о наличии в Конституции США права на частную жизнь.

Однако еще за сорок лет до того, в 1890 г., тогда еще молодой бостонский адвокат Луис Брандейз в соавторстве с коллегой С.Д.Уорреном опубликовал журнальную статью "Право на частную сферу" - "Right of privacy", в которой было заявлено о праве человека «быть оставленным в покое» ("the right to be left alone"). Авторы статьи, в частности, писали: “Напряженность и сложность жизни, присуще развивающейся цивилизации, приводят к необходимости иметь убежище от внешнего мира, так что уединение и приватность становятся для человека более значимыми; однако современное предпринимательство и технические нововведения, вторгаясь в его частную жизнь, причиняют ему душевную боль и страдания, гораздо более серьезные, нежели те, которые могут быть причинены простым физическим насилием”.

Это был, несомненно, революционный шаг, поскольку в девятнадцатом веке гражданское право защищало только “типичные”, имущественные интересы и не склонно было признавать категорию морального вреда, то есть вреда, который не может быть исчислен в денежном выражении. Теперь же перед гражданским правом стояла новая задача: “помимо охраны человека... в его типичных интересах, дать охрану конкретной личности во всем богатстве ее своеобразных особенностей...”. Так определил эту задачу известный русский правовед начала века И.А. Покровский. Постепенно эта теоретическая идея “внедрялась” в сознание судей и законодателей, и медленно, с оговорками, право на неприкосновенность частной сферы получало признание в судебной практике.

Через 15 лет после появления статьи американские суды признали это право. Верховный суд штата Джорджия был первым, кто признал его в деле *Paverish protiv New England Life Insurance Co.* В данном деле были использованы фотографии частного лица без его разрешения для рекламы в газете.

Дальнейшее юридическое становление права на частную жизнь относится к середине XX века, когда сначала в США, а затем в Европе право на частную жизнь признается одним из фундаментальных прав человека и одновременно появляются официальные документы, фиксирующие это признание. В 1965 г. Верховный суд США признал право на частную жизнь незыблемой основой американского образа жизни, вытекающей из духа Конституции. Известный американский исследователь проблемы прайвеси А.Вестин определил это решение Верховного суда США как "первый шаг к созданию новой конституционной доктрины прайвеси". И, наконец, около двадцати лет назад Верховный суд США путем толкования норм Конституции признал право на неприкосновенность частной жизни фундаментальным конституционным правом.

В новой российской Конституции (1993 г.) за человеком закреплено “право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени” (статья 23). Эта формулировка означает, что человек сам может активно защищать свое право, независимо от того, охраняется оно или нет каким-то опосредующим законом. Конституция закрепила также право на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, обеспечив его гарантией, в соответствии с которой ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Статья 24 содержит положение о том,

что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Статья 25 устанавливает неприкосновенность жилища. Имеется еще две конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни, которые являются прямым отголоском нашего советского опыта. Это положение ст.29 о том, что никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений, и положение ст.26 о том, что никто не может быть принужден к указанию своей национальной принадлежности.

2. О частной жизни и ее границах

Любопытно, что право на частную жизнь не относится к числу так называемых “традиционных” естественных прав, сформулированных в восемнадцатом веке. Например, в Конституции США, классической конституции конца восемнадцатого века, мы не найдем его под своим именем, хотя гарантии, установленные отдельными поправками к Конституции и Биллем о правах в целом, защищали хотя бы некоторые стороны частной жизни от постороннего несанкционированного вторжения.

По мнению ряда юристов, категория “частная жизнь” не имеет юридического содержания; правовое регулирование лишь устанавливает пределы ее неприкосновенности (“приватности”) и, соответственно, пределы допустимого вмешательства. Говоря иначе, частная жизнь – область, которая контролируется самим человеком, т.е. свободна от внешнего направляющего воздействия, в том числе, от правового регулирования (однако должна иметь правовое обеспечение). Это отличает частную жизнь от жизни публичной, которая «на виду» и потому должна быть регламентирована правовым образом.

Несколько соображений по поводу приведенной дихотомии. Это, возможно, одна из основных либеральных дихотомий (частная жизнь возникла в лоне либеральной культуры и является собой одну из ее категорий). Либеральная антропология, на мой взгляд, начинается с признания за человеком не вполне вербализуемого, природно обусловленного пространства приватности, откуда путем умозрительных операций «извлекаются» классические, локковские права человека – на жизнь, свободу и собственность. Их дальнейшее прояснение средствами формальной рациональности создает публично-правовое многообразие либерализма, его внешний, процедурный слой.

Однако помимо него либерализм содержит в себе ту самую сферу частной жизни, о которой либерально настроенные люди предпочитают не говорить, если к тому их не принуждают жизненные или культурно-исторические обстоятельства. Частную жизнь, в том числе область личных убеждений в либеральных обществах принято оставлять человеку: никто не вправе лезть в чужую душу, никто никого не должен учить жить.

Итак, под слоем либеральной публичности залегает либеральное молчание. Либеральный человек, поэтому, в известном смысле – тайна, которая раскрывается, как уже отмечалось, в меру необходимости. Отсюда понятно, почему понятие частной жизни артикулируется позднее, чем это случилось с традиционными правами человека, относящимися к сфере действия Общественного договора.

Понятно также, почему частная жизнь достаточно независима от правового вмешательства: ввиду ее непубличности и даже «мистичности» (речь идет, конечно же, не о мистике в религиозном смысле, а о секулярной, так сказать, мистике) она не может быть сведена к правовым формулам.

Вместе с тем, сегодня мы должны пытаться определить границы частной жизни и даже ее основные компоненты. Вот как это делает уже упомянутый Алан Вестин, автор фундаментального труда “Приватность и свобода”. Он говорит о четырех обобщенных формах приватности. Первая — это “уединение”, состояние, в котором человек избавлен от наблюдения со стороны других. Вторая — “интимность”, замкнутое общение, предполагающее добровольное поддержание контакта с узким кругом лиц. Третья — “сдержанность”, то есть наличие психологического барьера между индивидом и окружающими его людьми. Четвертая — “анонимность”, состояние, когда человек, находясь в общественном месте, стремится остаться неузнанным.

Помимо этого мы определяем границы частной жизни негативным образом, классифицируя возможные нарушения этих границ (конкретизировать содержание права на

неприкосновенность частной жизни легче не через правомочия, которыми располагает субъект этого права, а через те нарушения, от которых данное право его защищает). Вот эти нарушения: 1) нарушение уединения лица или вмешательство в его личные дела (сюда относятся и такие нарушения, как подслушивание и перехват телефонных переговоров или перлюстрация корреспонденции); 2) предание гласности сведений личного характера, «персональных данных», которые, с точки зрения лица, неблагоприятно влияют на его имидж в обществе или причиняют ему боль и душевные страдания (в том числе и в тех случаях, когда такие сведения соответствуют действительности); 3) выставление лица в ложном свете в глазах окружающих; 4) использование имени или изображения лица в интересах того, кто его использует (в первую очередь, с целью получения коммерческой выгоды).

3. Что ныне угрожает частной жизни?

В общем, то же, что и раньше: власть ее вечным желанием контролировать жизнь граждан, опираясь на разнообразные технологии контроля. Если учесть, что эти технологии стали гораздо более совершенными, чем прежде, то можно представить себе размеры опасности, угрожающей частной жизни в наши дни. Один частный пример: даже такую, казалось бы, свободную от внешнего контроля сферу, как Интернет, власти и нечестные провайдеры ныне успешно деприватизируют. Известный исследователь сетевого феномена М. Кастельс, впрочем, не он один, говорит об «исчезающей приватности». В своей книге «Галактика Интернет» (Екатеринбург, 2004) он, в частности, пишет: «В Соединенных штатах 92 % web-сайтов осуществляют сбор личных данных о своих пользователях и обрабатывают их в соответствии со своими коммерческими интересами» (с. 204). Один из моих пермских знакомых, сетевой завсегдатай и почти хакер, счел за благо вообще отключиться от Интернета, так как слишком дорожит своим информационным образом, как говорят сейчас.

В связи с этим нужно сказать, что еще в 1981 г. появилась Конвенция о защите индивидов в связи с автоматической обработкой персональных данных (это пока единственная международная конвенция по вопросам, связанным с неприкосновенностью частной жизни). Конвенция устанавливает требования, предъявляемые к самим данным. Персональные данные должны быть получены добросовестным и законным путем; они должны собираться и использоваться для точно определенных и не противоречащих закону целей и не использоваться для целей, несовместимых с теми, для которых были собраны; они должны быть относящимися к делу, полными, но не избыточными с точки зрения тех целей, для которых они накапливаются; они должны храниться в такой форме, которая позволяет идентифицировать субъектов данных не больше, чем этого требует цель, для которой они собраны. Еще один принцип гласит, что персональные данные о национальной принадлежности, политических взглядах либо религиозных или иных убеждениях, а также персональные данные, касающиеся здоровья или сексуальной жизни, могут подвергаться компьютерной обработке только в тех случаях, когда правопорядок предусматривает твердые гарантии их конфиденциальности.

Мир неотвратно усложняется и вместе с тем интегрируется. В мире взаимозависимости человек не в состоянии обрести надежное убежище, разве что в молчании или в парадоксе. Подобный способ защиты человека предлагает культура постмодерна: она пытается спасти человека в евробуддийской пустоте, что по ту сторону метарассказов, то есть любых определенностей большой культуры. Для большинства, однако, это слишком изысканная и трудоемкая защита. В мире тотальной или тотализирующейся организованности говорить о частной жизни все сложнее. Хотим мы этого или нет, история нашего времени все более выворачивает нас наизнанку.

Еще один выход – религия, где приватность является, в сущности, *conditio sine qua non*. На мой взгляд, в этом своем качестве, качестве убежища, религия нам еще пригодится. В случае удачи, то есть в творческих состояниях она способна выносить человека «за скобки», за пределы круга соперничества, где человек не только остается наедине с собой (и Богом), но и реально воспроизводит свою сущность, переживает действительное экзистенциальное обновление. Традиция, на мой взгляд, необходимый коррелят современности, ее онтологический горизонт и питающий предел. Современность, конечно же, автономна, но вот

суверенна ли она, обладает ли она тем, что Пушкин называл самостоянием? Традиция плюс новация – такова, на мой взгляд, формула полноты истории и, возможно, человека.

4. Каковы пределы и допустимые мотивы вмешательства в частную жизнь, которые могут восприниматься как болезненные, но необходимые?

Боюсь, что здесь я обречен на то, чтобы изрекать банальности: вмешательство в частную жизнь оправдано лишь в двух случаях – во-первых, когда это диктуют соображения общественной безопасности, во-вторых, когда чья-то частная жизнь становится препятствием для реализации права на свободу выражения мнения или права на свободу информации. В обоих случаях границы частной жизни являются подвижными и устанавливаются с учетом ситуации, конвенционально.

Так, в двадцатые годы Верховный суд США отказался признать нарушением приватности телефонное прослушивание, поскольку оно не может рассматриваться как физическое вторжение в жилище. Однако через сорок лет суд пересмотрел свое решение — но для этого понадобилось, чтобы психологический климат в обществе в корне изменился.

Нахождение баланса между защитой частной жизни и, например, правом на свободу выражения мнения – сложный процесс. Общественные деятели должны мириться с большим объемом вмешательства в их частную жизнь, чем обычные граждане. Это особенно справедливо в отношении людей, чей профессиональный успех напрямую зависит от общественного мнения, особенно когда они сами поощряют интерес СМИ к своей личной жизни.

5. Существуют ли поколенческие различия в отношении к частной жизни?

И да, и нет. Да, потому что старшее поколение жило в другое время и в других условиях – в условиях дефицита или полного отсутствия свободы. Потому она ценилась больше – как редкость, как большая ценность. Приватность старших, кроме того, была фрустрированной – как судорожный глоток воздуха через форточку, как мальчишеский непозволительный перекур с оглядкой. Потом, основной формой приватности старших было пьянство, это, увы, нужно признать. Бегство в пьянство для большинства и эмиграция за границу для немногих.

У молодежи не было таких проблем. Они получили приватность (как юридическую норму и, отчасти, как норму жизни) в готовом виде. Отсюда они не воспринимают (в большинстве) приватность как ценность, за которую нужно бороться или которую нужно выстрадать. Помимо того, их частная жизнь проще переходит в жизнь публичную, тусовочную. Она непосредственнее, физиологичнее. В то же время, молодежь лучше чувствует вмешательство в частную жизнь, когда такое происходит, например, в Сети, где она бывает неизмеримо чаще, чем старшие. И труднее мирится с этим. Хотя бы потому, что у нее все впереди.

Это о разнице. Теперь о сходстве. Его, я думаю, не меньше, если не больше. Любой человек нуждается в уединении, в чувстве личной защищенности. И здесь мы все в одной лодке, мы все равно нуждаемся в неприкосновенности частной жизни.

Тезисы к дискуссии:

1. Что такое частная жизнь? По каким параметрам мы проводим границы собственной частной жизни?

Контуры частной жизни не статичны, могут меняться как «изнутри», так и «извне». В *первом* случае это связано с пространством и масштабом личности: характер, энергетика, амбиции и др. Во *втором* – с устанавливаемым в контексте политического режима, балансом между личностью и обществом.

Персона более «сильная» во всех возможных измерениях будет отличаться более прозрачными границами приватности, более слабая – более строгими. Проще говоря: слабый энергетически человек начинает испытывать вторжение на свою территорию намного раньше, чем сильный, причем, вторжением могут казаться самые незначительные перебежки. Извне контуры частной жизни конструируются в зависимости от господствующих (доминирующих) общественно-политических и культурных дискурсов. Ведущую роль в формировании социальных контуров частной жизни играет идеология. Так, например, прерогативой формирования политически и морально зрелого члена общества было «подчинение интересов личности – интересам коллектива». Эта идеологема не только декларировалась, но и практиковалась в качестве ведущего принципа советского образа жизни. В образе жизни человека проявляется влияние социальной структуры и ограничения внешней среды (казарменный тип строений и поселений, армейские правила общежития в пионерских лагерях, коммуналки и общежития, праздничные ритуалы. Практика подчинения личных интересов – общественным, реально меняла границы приватного, в определенном смысле влияя и на формирование внутреннего образа частной жизни, особенности сознания и установки. Оставим в стороне практики двоемыслия, которые проявлялись в формировании навыков разведения «реально частного» и «публично-частного» (или демонстрационно-частного) -это вопрос отдельной дискуссии. Социально одобряемыми практиками были коллективное обсуждение недостойных поступков, подобные навыки прививались с раннего «социального» детства: публичные обсуждения «расскажи мне о себе», открытые выборы в «руководящие органы», разборки в духе «Макаренко» (коллективный катарсис) и др.

Многие из этих практик укоренились в общественном сознании (особенно, так называемом массовом, популярном). Существовали, конечно, – андеграунд, диссидентство, элита, в контексте которых культивировались и воспроизводились другие традиции, однако их скорее можно отнести к маргинальным...

Учитывая этот контекст, полагаю, что современные параметры (границы) частного и публичного пространства подвижны, изменчивы, трудно фиксируемы. Если же говорить о молодежи, то в отношении различных ее групп, а также их социальных и культурных измерений, эти границы будут либо сужаться в сторону персоны, либо расширяться в сторону публичных демонстраций (презентаций). Для более подробного описания этих новых контуров необходимо провести специальное социо-культурное исследование. Наиболее очевидные особенности:

а) формирование новых, независимых от взрослого контроля, пространственно-временных локаций (позиций) молодежи не только в сфере досуга, но и «внутри» занятости (работы, учебы), городского пространства, семейных отношений.

б) значимые изменения в разграничениях гендерного пространства (личного и публичного).

с) развитие новых форм защиты частной жизни (например, сексуальной сферы)

д) множественные интерпретации социальной ответственности и др.

2. Современные и актуальные для аудитории угрозы частной жизни.

НИЦ «Регион» проводил исследование, посвященное определению контекстов (личных и групповых) понятия безопасности, а также готовности молодежи защищать нарушение прав (от личных – до коллективных и государственных). Анализ полученных результатов показал, что молодежь наиболее чувствительна к нарушениям именно личного пространства и угрозам личной (физической в первую очередь) безопасности. Однако защита этих прав видится чаще, как пассивное противостояние, невмешательство, а не активное противодействие. Достаточно сильна уверенность в невозможности законным путем реально отстаивать свои права, доказать правомерность того или иного поступка и т.д. Эти убеждения поддерживаются уверенностью в коррумпированности работников гос. структур, в корыстных подтекстах каких либо, провозглашаемых в качестве социально значимых, проектах.

Трудно говорить о молодежи вообще. Для молодых мужчин наиболее актуальна угроза призыва в армию, это наиболее очевидная и явная зависимость от государственной власти. Угрозы частной жизни молодых женщин можно расположить в сексуально-гендерном контексте (конечно эта гипотез требует проверки). Речь может идти не столько о прямом, сколько косвенном использовании молодости + физической красоты в качестве рыночной приманки. Наиболее крайние проявления – это конечно прямые виды насилия: угроза милицейского произвола, отсутствие защищенного законодательством правового пространства для детей и подростков, семейное насилие и др. Отметим, что правила и «понятия» криминального мира проникают в молодежную среду (в том числе, и в школу), что уже с раннего детства начинает формировать определенную систему гражданских навыков отстаивания своей независимости «по понятиям».

К более «мягким» формам угрозы можно отнести, например, использование молодости в качестве рекламного бренда. Это ведет к манипуляции потребительскими привычками и предпочтениями, формированию стандартизированных вкусов, вымыванию (или размыванию) интеллектуальных, элитарных, «высоких» потребностей и др. В частности, достаточно «опасными» выглядят в этом смысле проекты, направленные на формирование массовых (якобы молодежных) моделей поведения. Так, например проекты «Окна» или «Дом 2» культивируют публичное обсуждение особенности частной жизни, тем самым формируя некие стереотипы взаимоотношений. Понятно, что это связано с развитием индустрии «знаменитостей», с расширением границ частной жизни звезд, что стимулируется расширением информационного пространства и требованием большего выбора для информационных поводов и т.д. Мы же говорим о навязываемых молодежи эталонах приватности. Конечно же, речь не идет о цензуре, скорее – о развитии других проектов и предложений. Особенности влияния подобных проектов также могут стать предметом отдельного исследования.

Среди других можно назвать угрозы со стороны так называемого «сетевого общества», со стороны расширения сферы платного образования и т.д.

3. Каковы пределы и допустимые мотивы вмешательства в мою частную жизнь, которые могут восприниматься как болезненные, но необходимые?

Пределы допустимого вмешательства в частную жизнь во многом определяются уровнем гражданской культуры индивида, а также особенностями персональной психологической организации. С одной стороны, развитие новых форм взаимодействия личного и публичного пространства ведут к упрощению защит, с другой, напротив, к развитию новых фобий. Так в частности, в молодежной среде происходит своего рода детерриторизация активностей, перенос многих форм досуга в частное, закрытое и защищенное пространство. Это связано не только с развитием информационных технологий и ростом значимости компьютера (Интернета в первую очередь) в конструировании новых границ частного пространства. НЕ

меньшую роль играет атомизация жизни индивида, развитие новых форм отчуждения. Коллектив и даже компания начинают терять свою значимость в качестве референта, реальные гуру могут заменяться виртуальными и вымышленными.

Если говорить не о молодежи, то например, болезненными, но необходимыми могут восприниматься медицинские вмешательства (в частности гинекологические), которые могут отличаться не толерантностью и отсутствием такта. В целом, медицинское, как и правоохрнительное вмешательство остаются за пределами общественного обсуждения и , главное, осознания.

Я, лично, тяжело переживаю вмешательства в мою личную жизнь, связанные с моей личной биографией, обсуждением моего статуса, возраста, внешнего вида и т.д.

4. Существуют ли поколенческие различия в отношении к частной жизни как ценности? Существуют ли отличия "поколенческих наборов атрибутов частной жизни"?

Поколенческие различия, конечно же, существуют и они достаточно значимы. Начиная со сферы личной гигиены (женской и мужской), болезней (женских и мужских), границ дозволенного вторжения в гендерную и сексуальную идентичность (женскую, мужскую, трансгрессивную). В социально-культурной сфере эти различия связаны с понятием достойных и недостойных показа, обсуждения, демонстрации практик и т.д. Мне кажется, что каждая из сфер частной жизни может быть рассмотрена отдельно, и практически вдоль каждой из них могут быть обнаружены как различия, так и воспроизводство, а может быть и возврат к существовавшим раньше родительского поколения моделям. Наборы атрибутов частной жизни также могут стать предметом отдельного исследования. Ясно, что среди них будут как прямые, так и символические предметы, тексты, границы и т.д. В частности, в молодежной среде все более частными (независимыми не только от взрослого контроля, но и от мнения коллектива и компании) становятся рискованные практики (в том числе, например алкогольные и наркотические). При этом рост толерантности (или пофигизма) внутри компаний формирует определенную зону умолчания. Выбор и ответственность за его последствия ложатся исключительно на самого индивида. Так же более частным (и закрытым) становится выбор и направленность личной эксклюзивности, которая может проявляться и в культурной, и в экономической, и в политической сфере.

3. Отчет о ходе дискуссии

Всего в дискуссии приняло участие 34 человека. На дискуссию были приглашены пермские молодежные активисты, лидеры некоммерческих организаций и пермские ученые – историки, политологи.

Место проведения дискуссии: Пермский государственный университет.

Время проведения: 26 апреля. 15.00 – 18.00.

Модераторы: Маковецкая Светлана Геннадьевна, Аверкиев Игорь Валерьевич.

Регламент: выступление экспертов 10-15 минут, высказывания участников дискуссии по вопросам дискуссии не регламентировались.

Основные выводы:

- ***Что такое частная жизнь? По каким параметрам мы проводим границы собственной частной жизни?***

По первому вопросу участниками дискуссии высказывалось мнение, что было бы невозможно договориться о том, что такое частная жизнь. Частная жизнь определялась как «мифический подтекст либерализма» и «разветвленная система практик, когда человек умеет уединяться, когда он становится индивидуалистом». В самом общем виде частная жизнь для участников – это «возможность организовать свой мир как ему хочется» («мирок, в который не хочется пускать других») и «возможность казаться лучше» (защита сведений, которые не хочешь разглашать). В другой интерпретации частная жизнь в собственном смысле этого слова – это обретение некоторой личностной целостности. Все выступающие, так или иначе, связывали частную жизнь со свободой, поэтому дискуссия проходила вокруг базовых понятий – свободы, индивидуализма и социальной ответственности.

Границы частной жизни обусловлены социальными ожиданиями и тем минимумом личного, который мы не готовы отдать ни при каких условиях. Один из участников определил границы частной жизни как пределы «досягаемости кулака», определяя как частную сферу, которую можешь защитить сам лично, все остальное уже предмет договоренностей, связанный с необходимостью соизмерять личные интересы с внешними угрозами и опасностями.

Для старшего поколения границы между свободой и несвободой, между частным и публичным были четко маркированы. Для молодежи, границы частного и публичного в большей степени размыты, ее приватность легко выходит в публичность. Личная свобода не ограничивается, частная информация становится доступной, а повседневная жизнь прозрачной.

- ***Современные и актуальные для аудитории угрозы частной жизни***

В числе современных и актуальных угроз приватности выступающие называли новые технологии, создание баз данных персональной информации, призыв в армию, формирование стандартизированных вкусов и манипуляцию потребительскими привычками. Границы частной жизни наиболее явно определялись там и тогда, когда имели место посягательства на частную жизнь. При этом наиболее острой и осмысленной потребностью в частной жизни была в условиях ее жесткого ограничения.

В Советском Союзе общество довлело над личностью. Сейчас над личностью довлеют отдельные социальные группы, которые человек, как правило, выбирает добровольно. Контроль над личностью становится предметом заботы не только государства, но и других граждан. В ходе дискуссии абсолютность права на частную жизнь рассматривалась как «форма социальной безответственности, поскольку остальные не могут реализовать свои претензии на коллективное решение проблем» (будь то, перекрытие дорог пенсионерами в знак социального протеста или раскрытие частной информации соседям в интересах обеспечения безопасности). В это же время, высказывалась мнения, что позиция, когда люди

изначально прощают себе посягательство на чужую частную жизнь ради высоких идей, несовместима с идеей свободы, из этого рождается тоталитаризм.

В связи с угрозами речь шла и о специфических формах реализации и защиты приватности принятыми в разных поколениях. В советском обществе, когда посягали, прежде всего, на свободу - одной из форм защиты приватности был «уход в себя» или «уход в пьянство». В современном обществе, в мире «тотальной организованности», который «выворачивает нас наизнанку» и дробит на части точно также становится трудным сохранять свою целостность и соответственно, приватность. Более уязвимой становится частная информация. «Отвержение ценности приватности, эпатаж» и «мифотворчество» для молодежи становится формой утверждения свободы и способом защиты «действительной частной жизни». Для них более важным является возможность творить свой частный мир, где никто не может вмешиваться в личные дела. Молодые люди легко выставляют напоказ свою «сконструированную идентичность», и «стремятся создавать особые миры», недоступные для посторонних, где они могут проявить свою индивидуальность. Это миры самых близких друзей или виртуальность, где каждый может попробовать себя, оставаясь анонимом.

- ***Каковы пределы и допустимые мотивы вмешательства в мою частную жизнь, которые могут восприниматься как болезненные, но необходимые?***

Допустимые мотивы вмешательства – общественная безопасность, право на информацию, необходимость медицинского вмешательства. Оправданным является интерес к частной жизни публичного деятеля. Пределы вмешательства являются гибкими и определяются тем, как сам человек себя позиционирует. Совершая публичные действия человек не вправе рассчитывать на приватность. Индикатором для определения границ вмешательства является человеческое достоинство, чувство унижения.

- ***Существуют ли поколенческие различия в отношении к частной жизни как ценности? Существуют ли отличия "поколенческих наборов атрибутов частной жизни"?***

Во время обсуждения говорилось, что существует разница в условиях осуществления права на частную жизнь. Старшее поколение жило в условиях дефицита или полного отсутствия свободы. Новое поколение получило приватность и свободу в готовом виде, но при этом реализует приватность в специфических условиях господства технологий и информатизации, которые делают частную жизнь более прозрачной. Но какими бы ни были условия, и раньше и сейчас, ценность свободы одинаково значима, и это отношение объединяет разные поколения. Оно, как показала дискуссия, одинаково важно для взрослых и молодых, вне зависимости от личного отношения к идеям либерализма и прав человека.

Резюме

1. Дискуссия обнаружила интерес и озабоченность участников вопросами частной жизни. Обсуждаемые примеры вмешательства в частную жизнь были самыми разными и не фокусировались вокруг одной темы. Было поставлено ряд противоречивых, но принципиально важных для выступающих вопросов: В какой степени соседи могут вторгаться в частную жизнь друг друга ради безопасности? Можно ли ради отстаивания интересов групп ограничивать право на частную жизнь отдельных граждан и является ли вмешательством в частную жизнь, когда толпа перекрывает дороги? Насколько оправданы меры безопасности, вводимые государством, когда они грубо вторгаются в частную жизнь? Почему люди не считают право на приватность актуальным, но при этом искренне страдают от конкретных посягательств? Насколько оправдан индивидуализм и эгоизм частной жизни на фоне острых общественных проблем и потрясений и где проходят границы личной ответственности за происходящее в обществе?

2. Выявились интересные различия во взглядах поколений друг на друга. Для взрослых чужд и непонятен эпатаж и выставление своей частной жизни на всеобщее обозрение. Для молодежи непонятно существование в советскую эпоху в условиях формального отсутствия приватности. Отсюда рождаются взаимные мифы, которые сводятся к формуле «другое поколение не понимает ценности приватности так, как понимаем эту ценность мы».

3. В ходе обсуждения неприкосновенности частной жизни чаще обсуждение сводилось к рассуждениям на тему свободы. Понятие свободы оказалось близко и понятно всем. Свобода создавать свой частный мир, свобода от постороннего вмешательства в свой частный мир. Когда обсуждались вопросы о сохранении тайны частной жизни, позиции выступающих делились на противоположные, и границы неприкосновенности частной жизни были более спорными и прозрачными. Назывались некоторые крайние формы вмешательства, очевидно недопустимые, например, «открытое отхожее место в камерах для заключенных». Были определены две крайние позиции – абсолют права на частную жизнь и тоталитарное общество, с тотальным общественным интересом.

3. В ходе обсуждения называлось немало доводов «за» и «против» приватности. Доводы «против» приватности связывались с каким-либо общественным интересом, безопасностью, либо собственным поведением человека, который самостоятельно отказывается от приватности, вынося свою жизнь на всеобщее обозрение. Доводы «за» приватность связываются с очевидной гуманитарной ценностью приватности, необходимостью защититься от общества, сохранение целостности личности, необходимостью сопротивления государственному аппарату насилия.

4. И в советское время и сейчас посягательство на приватность встречается «пассивным противостоянием», приватность реализуется в различных формах ухода в те сферы, где «не достанут». Это касается и приватности в общении и приватности в отношении пространства. Спецификой отстаивания права на частную жизнь является то, что любые активные действия в защиту приватного пространства его еще более деприватизируют, поэтому когда речь идет о сохранении чего-то ценного, то практикуется формула ухода, но не открытого противодействия. Публичное отстаивание неприкосновенности частной жизни не принято. Пределы и ограничения частной жизни, при этом, возможно обсуждать, договариваясь не по поводу себя и своей частной жизни, а о принципах взаимодействия вообще. В это же время, в ходе дискуссии прозвучало немало лозунгов о необходимости ограничивать частную жизнь. Эти позиции звучали как достаточно агрессивный и активный призыв о необходимости пойти на жертвы ради какого-то конкретного общего блага.

Кочева Ольга Николаевна,
Руководитель дискуссионной площадки

**Список участников гражданской дискуссии
«Россия, XXI век: неприкосновенность частной жизни – а) невозможна, б) не нужна»,
26 апреля 2005, г. Пермь**

№	Фамилия Имя Отчество	Название организации
1.	АВЕРКИЕВ Игорь Валерьевич	Председатель Пермской гражданской палаты
2.	БАХАРЕВ Михаил Валерьевич	Системный администратор МОУ Лицей № 7
3.	БАЯНДИНА Евгения Дмитриевна	Редактор молодежной газеты «Крайний вариант» Пермского государственного университета
4.	БОРИСОВ Андрей Александрович	Кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного университета, директор Центра гражданского образования Пермского государственного университета
5.	ДЕМАКОВА Ксения Владимировна	И.о. председателя Исполнительного комитета Движения «Анархо-экологическое сопротивление»
6.	ДОРОФЕЕВА Евгения Анатольевна	Юрист-консультант Пермского регионального правозащитного центра
7.	КИЗИЛОВА Ирина Дмитриевна	Координатор проекта по альтернативной гражданской службе Пермского областного отделения международного общества «Мемориал»
8.	КАСИМОВ Михаил Борисович	Председатель Совета территориального общественного самоуправления микрорайона «Городские горки»
9.	КОРОБКО Наталья Павловна	Главный специалист департамент по делам культуры, спорта и молодежной политики администрации города Перми
10.	КОСТЕРИНА Ирина Владимировна	Ведущий специалист Ульяновского Научно- исследовательского центра «Регион»
11.	КОЧЕВА Ольга Николаевна	Координатор направления «Продвижение в России права на уважение частной жизни» исследовательского проекта Пермской гражданской палаты «Будущее прав человека в России»
12.	КРАСАВИН Вячеслав Витальевич	Научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, кандидат исторических наук
13.	ЛАТЬПОВ Роберт Рамильевич	Пермское областное отделение Международного общества «Мемориал»
14.	МАКОВЕЦКАЯ Светлана Геннадьевна	Директор Общества развития предпринимательских инициатив
15.	МАЛЕНКО Сергей Владимирович	Главный специалист Комитета по молодежной политике администрации Пермской области
16.	НОВОСЕЛОВ Виталий Вячеславович	Член регионального политсовета партии СПС
17.	НИКИТИН Андрей Игоревич	Директор по связям с общественностью компании «НОВОГОР-Прикамье»
18.	ОКУЛОВА Ольга Алексеевна	Редактор газеты «УМ», студент Пермского государственного университета
19.	ПОДВИНЦЕВ Олег Борисович	Доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного университета

20.	РАКОВ Вячеслав Михайлович	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Пермского государственного университета
21.	РЕЗНИК Александр Валерьевич	Председатель Профсоюза «Студенческая солидарность»
22.	СКРЯКОВА Елена Витальевна	Заместитель директора Центра поддержки демократических молодежных инициатив
23.	СУСЛОВ Андрей Борисович	Доктор исторических наук, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Пермского государственного педагогического университета, директор Центра гражданского образования и прав человека
24.	ТРУТНЕВ Сергей Владимирович	Юрист-консультант Пермского регионального правозащитного центра
25.	ФАДЕЕВ Михаил Семенович	Центр Демократических молодежных инициатив
26.	ШИЛОВА Ирина Евгеньевна	Директор Молодежного информационного центра
27.	ЮШКОВ Роман Авенирович	Руководитель группы «Зеленая Эйкумена»
28.	Миков Павел Владимирович	Преподаватель ПГПУ, зам. Директора Центра ГО и ПЧ
29.	Галицкий Денис Григорьевич	Директор ЗА УАРП, руководитель ресурса lobby@perm.ru
30.	Гашенко Мария Сергеевна	Юрист-консультант Правозащитного центра
31.	Ширинкин Алексей Александрович	Аналитик Пермского регионального правозащитного центра
32.	Колотилов Даниил Сергеевич	Студент-политолог 3 курса ПГУ
33.	Теплых Любовь Владимировна	Сотрудник Пермской гражданской палаты
34.	Попович Татьяна Юрьевна	Студентка юридического факультета ЗУИЭиП

Стенограмма гражданской дискуссии «Россия, XXI век: неприкосновенность частной жизни: а) не нужна, б) невозможна», 26 апреля 2005 г.

Модератор дискуссии

Маковецкая Светлана Геннадьевна Директор Общества развития предпринимательских инициатив

Эксперты

Раков Вячеслав Михайлович кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Пермского государственного университета

Костерина Ирина Владимировна ведущий специалист Ульяновского Научно-исследовательского центра «Регион»

Кочева Ольга Николаевна координатор направления «Продвижение в России права на уважение частной жизни» исследовательского проекта Пермской гражданской палаты «Будущее прав человека в России»

Выступающие

Аверкиев Игорь Валерьевич Председатель Пермской гражданской палаты

Бахарев Михаил Валерьевич Системный администратор МОУ Лицей № 7

Галицкий Денис Григорьевич Исполнительный директор Общества развития предпринимательских инициатив

Гащенко Мария Сергеевна Юрист-консультант Пермского регионального правозащитного центра

Демакова Ксения Владимировна И.о. председателя Исполнительного комитета Движения «Анархо-экологическое сопротивление»

Дорофеева Евгения Анатольевна Юрист-консультант Пермского регионального правозащитного центра

Касимов Михаил Борисович Председатель Совета территориального общественного самоуправления микрорайона «Городские горки»

Маленко Сергей Владимирович Главный специалист Комитета по молодежной политике администрации Пермской области

Миков Павел Владимирович Заместитель директора Центра гражданского образования и прав человека

Резник Александр Валерьевич Председатель Профсоюза «Студенческая солидарность»

Суслов Андрей Борисович Доктор исторических наук, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Пермского государственного педагогического университета, директор Центра гражданского образования и прав человека

Юшков Роман Авенирович Руководитель группы «Зеленая Эйкумена»

С.Г.Маковецкая Сам жанр гражданских дискуссий Пермская ассамблея начала формировать еще два года назад. Мы провели цикл гражданских дискуссий. Предполагая, что гражданские дискуссии возникают там и тогда, где у организаций или людей, которые представляют общественные инициативы, есть представление, что еще не сложился некоторый общественный интерес, если хотите, общественный заказ на решение той или иной проблемы, когда такая проблема находится пока на периферии неспециализированного общественного сознания. Гражданские дискуссии проводились для того, чтобы попытаться с помощью экспертов сформулировать вариант общественного заказа. В этом году мы продолжаем цикл гражданских дискуссий. И в сегодняшней дискуссии есть своя специфика. Мало того, что гражданское сообщество, по определению Игоря Валерьевича, находится сейчас в тихом кризисе идентичности: оно выступает в «ситуации полупроводника», при которой ему

намного легче договариваться с властью, чем объяснить собственно населению, чем оно занимается. Выяснилось, что и внутри самого сообщества и внутри сообществ, которые пытаются обсудить, обеспечить продвижение, реализовать какие-то общественные интересы, есть одна проблема, связанная с тем, что еще один наш коллега из Воронежа, Алексей Козлов назвал «молодежь должна мыть полы для революции». Идея была следующая, что в любой деятельности, которая направлена на что-либо профессиональное или на защиту общественных интересов, молодежи отводится роль, в лучшем случае тех, кто подносит патроны, в худшем случае они обеспечивают условия, при которых высоколбые, добившиеся некоторого признания общественные деятели продвигались бы в решении проблем. Мы решили, что надо понять существует ли специфический вариант другого интереса, межпоколенческий диалог в отношении тех проблем, которые нас волнуют. И вот, возникла такая идея дискуссий «Пермской Ассамблеи», которые будут вестись как межпоколенческий диалог. Я не уверена, что существует, на самом деле, очень специальный взгляд одного поколения, который противоречит более или менее, мейнстриму взглядов другого поколения. Но все-таки, почему бы ни попробовать поиграть в эту игру. Сегодня мы решили именно этим и заняться, а предметом нашего обсуждения будет не совсем привычная тема для обсуждения как в правозащитном сообществе, так и в гуманитарном сообществе - это неприкосновенность частной жизни, ценность частной жизни в России. Тема нашей дискуссии сформулирована как «Россия в XXI веке: неприкосновенность частной жизни: а) не нужна, б) невозможна». Понятно откуда возникла эта идея, во-первых, потому что основная гражданская риторика, основные гражданские спекуляции так или иначе строятся вокруг сворачивания и разворачивания права на частную жизнь, особенно в контексте угроз и вызовов, которые возникают в связи с нашим отношением к необходимому уровню опасности и обеспечению безопасности. С другой стороны, по предложению одного из экспертов, право на частную жизнь - это такая бесприданница в правозащитном сообществе, это то право, в отношении которого никто никогда не выйдет на баррикады, пенсионеры не будут перегораживать улицы. Скорее всего, это то право, которое меньше всего разработано в правозащитном сообществе как таковом. Со всех сторон получается лакомый кусочек для обсуждения.

О.Кочева Каждый имеет собственное представление о том, что такое частная жизнь. Представление это зависит и от личностных характеристик конкретного человека и от тех норм и традиций, которые существуют в том или ином обществе в определенный исторический период. Частная жизнь – это сфера жизни и быта, которая зависит от индивидуальных частных решений, это прежде всего сфера персонального выбора, сфера где человек реализуется как субъект. Это то, что наполняет нашу обыденную жизнь, то, что сокрыто от посторонних, внутренний мир, мысли и чувства, отношения с другими людьми, любые формы уединения. Частная жизнь – это то, что человек определяет как свое личное дело. Если мы соберем все, что, как мы считаем, является нашим личным делом, то увидим, что вокруг нас образуется некая оболочка. Эта оболочка и может называться приватным пространством человека. Почему выносятся на обсуждение именно поколенческий аспект проблемы частной жизни. С одной стороны, несмотря на то, что каждый человек сам определяет, что такое частная его частная жизнь, современное общество меняется, и социальные условия изменяются. Создается ощущение, что наша повседневная частная жизнь становится более прозрачной, более доступной, более открытой для внешнего мира. Это происходит во многом благодаря появлению новых технологий слежки и наблюдения, мобильной связи, Интернет и т.д. И создается ощущение, что есть разница в подходе разных поколений к частной жизни, к приватности. Молодое поколение в большей степени готово открывать свою частную жизнь другим людям, оно придает меньшее значение прозрачности своей частной жизни, в большей степени готово участвовать в реалити-шоу, запускать в Интернет частные фотографии, частную информацию. В то же время оно более щепетильно относится к вопросам своей личной свободы, в отличие от старшего поколения. Наличие личной свободы для молодежи это такая аксиома, то, что у них не отнять. Между тем старшее поколение в большей степени готово признавать наличие общественных интересов, что они

должны довлеть над частными интересами и т.д. При этом свою субъектность в частной жизни молодежь легко распространяет на общественную жизнь. И границы частного и публичного как бы стираются.

С.Г.Маковецкая Итак мы получили достаточную пищу для размышлений. Как минимум, один очень дискуссионный повод: межпоколенческий диалог о частной жизни имеет место именно потому, что само отношение формируется разными факторами внешней среды и существует разная чувствительность поколений к цивилизационным изменениям, а также разная чувствительность к гуманитарной риторике, к гуманитарной фразеологии, к идеологии, это и есть основания для того, чтобы гипотетически мы определили разное отношения к частной жизни. Хотя при этом все равно остается вопрос, личное ли это мое дело, что в обществе нет общественных конвенций относительно того, что такое частная жизнь.

И.В.Костерина Наш центр занимается изучением молодежи, поэтому, я попытаюсь представить экспертную оценку, экспертный взгляд на проблему. Вопрос о том, что такое частная жизнь, на самом деле очень неоднозначный и трудный. Даже для обозначения одних и тех же явлений существуют разные понятия. Понятие *частная жизнь* все активнее заменяется понятием *приватность*. Приватность – новое слово, которое обозначает стремление к особой ценности. Приватность – это право быть наедине с собой, и право хранить информацию о себе в секрете, создавать особое информационное пространство, куда не будут проникать другие. Приватность может быть разной – это может быть приватность в общении, приватность в отношении пространства. Мне кажется, что приватное пространство, которым человек себя окружает, становится одним из тех моментов, по которому можно провести межпоколенческий вектор. Для предыдущего поколения, которое жило и социализировалось в советском строе ценности коллективной жизни были намного значимее, и человек, который жил в советское время был публичен. Мы знаем о практиках коллективных собраний, где обсуждалась личная жизнь человека или давались оценки ей, - в некоторых ситуациях человек должен был повиниться прилюдно по поводу каких-то неэтических, аморальных действий. В советское время сформировались институты, которые разрушали приватность и пытались вовлечь человека в публичную, открытую жизнь – ясли, школы и т.д. Человек всегда находился на виду и ценность частной жизни не актуализировалась. Сейчас с появлением новых пространств досуга, появлением новых практик ценность частной жизни отличается у поколения взрослых и молодежи. У «взрослых» представления о частной жизни часто связываются возможностью владеть частной собственностью, возможностью жить в собственном доме и тем самым отгораживаться от окружающего мира, это очевидная психологическая потребность оставаться наедине с близкими людьми. У молодежи эта потребность проявляется несколько в другом. Она не связана с витальными потребностями, желанием обладать собственностью, - для молодых важен уход от контроля взрослых. В связи с этим появляются новые практики. С одной стороны молодежь старается уйти в виртуальные сообщества, в свои компании, создать новые, исключительно молодежные, пространства, - клубы и просто тусовки по интересам. В то же время появляются странные и казалось бы абсурдные с точки зрения приватности практики. Например, Живой Журнал в Интернет, - это интимный дневник, который предлагается на всеобщее прочтение, всеобщее обсуждение – какую функцию он несет? Поэтому очень трудно говорить о том, где граница приватности для молодежи, в чем она проявляется. Реалити-шоу – это тоже «молодежные» проекты. Нет ни стыда от публичности повседневной жизни, ни страха быть осмеянным. Наоборот это скорее эпатаж и опровержение ценности приватной жизни. Мне кажется, интересен вопрос, в чем приватность для молодежи, существует ли она как ценность. Я думаю, что она существует, но она в другом. Научно-исследовательский центр «Регион»и проводил исследование, касающееся безопасности, и молодежь в первую очередь подчеркнула важность личной физической безопасности. В то время как взрослые указывали понимали под безопасностью безопасность страны, отсутствие угрозы терроризма. - Безопасность молодежи нередко сводилась именно к телесной безопасности.

Сейчас можно говорить о том, что появляется новое молодежное направление – «геймеры», люди, которые играют в свои идентичности, которые создают новую идентичность взамен той, в которой они существуют. Созданную сконструированную идентичность они не боятся выставлять напоказ. Здесь нет никакого секрета. В то время как индивидуальность – она сакральна, ее молодежь не стремится выставлять напоказ, наоборот старается создать особые миры, где бы эта индивидуальность проявлялась. Это, прежде всего, миры самых близких друзей, компании, миры виртуального общения, где есть возможность не называя себя попробовать проявить свои реальные интересы, фантазии. Подводя итог, мне кажется, что нужно говорить не о новой приватности, а искать разные проявления приватности внутри молодежной культуры.

С.Г.Маковецкая Видимо существуют разная совокупность критериев, с помощью которых люди разного поколения определяют границы или ценности частной жизни. Существуют даже разные нормы одних и тех же характеристик, которые, скорее всего, гипотетически, по-разному определяются разными поколениями и, возможно, разными индивидуальностями внутри одного поколения. При этом прозвучала интересная и дискуссионная постановка вопроса, связанная с тем, что идентичность по-разному формулируется: с одной стороны человек советский - идентичность через коллективность, коллективная идентичность, с другой стороны молодежь, которая претендует на идентичность индивидуальную, индивидуализированную и при этом использует групповую реализацию. И мне кажется, что есть еще две вещи с которыми мы столкнулись и, по-моему, мы нащупали некоторый миф. Во-первых, у меня такое ощущение, как гипотезу вам выкладываю, наиболее острое ощущение ценности частной жизни, прежде всего, возникало у людей, которые в советскую эпоху реализовывались и т.д., обостренное, включенное в парадигму, в гармонию мира. Еще по поводу ЖЖ, я не очень хорошо знаю аудиторию ЖЖ, но у меня такое ощущение, что ЖЖ это совсем не молодежные носители, что ЖЖ это такое Интернет-сообщество филологического характера, в котором большое количество, условно говоря, интеллигентов за тридцать. Они возможно и являются молодежью или молодящимися. А возможно это миф, связанный с тем, что интернет-культура и наиболее яркие проявления интернет-культуры, которые противостоят ценностям частной жизни, принадлежат молодежи. Может молодежи вообще не до этого.

В.М.Раков Я решил взглянуть на частную жизнь, прежде всего, глазами историка. Откуда это взялось. Это право. Оно возникло на либеральной почве. Либерализм – это осевая идеология современности, есть такое определение. И частная жизнь - это некая вариация на либеральную антропологическую тему. В либерализме философии нет, там есть некий эрзац философии, это либеральная антропология. Либеральный человек, локковский человек, он, на мой взгляд, двойственный. У него есть, прежде всего, его публичные права: свобода слова и т.д., жизнь, собственность, политические права. Это то, что видимо, это его внешняя оболочка, это то, что отстаивалось в первую очередь, на протяжении первых столетий, когда современность только-только набирала ход, на протяжении раннего Нового времени. Но помимо этого у локковского человека есть еще и то, о чем, как правило, не говорится. С точки зрения либерализма мы все не равны. В каждом из нас есть некая бездна, некий «темный ящик». Об этом либералы не говорят. Там никто никого не учит жить. Там, возможно есть неравенство либеральное, а чтобы это неравенство не слишком нас грузило, это неравенство надо подвергнуть определенной нивелировке на уровне внешних социальных срезов между людьми. И тут появляется формальная рациональность, процедуры. Либерализм - это прежде всего процедуры, процедуры, которые выравнивают. Благодаря которым мы с вами можем общаться, находить общий язык. Но в либерализме, как представляется, есть некая тайна, то о чем не говорят. Либерализм начинался с внешних определений, развитие либерализма до конца XIX века шло под знаком политических свобод, о внутренних свободах говорили не очень много или не очень часто. О них начинают размышлять впервые в Америке. Право на частную жизнь, право быть оставленным в покое впервые упоминается в статье 1890 г. Сэмюэла Уоррена и Луиса Брандейса. Только тогда, когда уже появилась моментальная

фотография, когда людей могли снять в клозете, послушать. Это возникло на волне научно-технического прогресса. Но это право было признано далеко не сразу, только в 1926 году Луис Брандейс, член Верховного суда США высказал свое частное мнение, согласно которому право человека на частную жизнь имплицитно, по умолчанию коренится в Конституции США. До середины XX столетия в Европе не шли дальше теоретического обоснования этого права. Его история относительно недавняя. Только после опыта тоталитаризма в Европе, только после того, как Америку потряхнул маккартизм, вот тогда об этом заговорили. Мне кажется, что частная жизнь это такой почти мистический подтекст либерализма. Провести на этом праве юридическую редукцию очень сложно, да, наверное, и не нужно. Эти права всплывают как бы негативно, от противного. Им нельзя дать положительного определения, так как это мы делаем в отношении публичных прав. В либерализме есть некая мистика, есть то, что не называется. Это в либерализме хорошо. Такая секулярная мистика, с этой секулярной мистикой я и связываю прайвеси.

Пределы вмешательства. Здесь я вспоминаю Сократа. Хотя это не наш человек. В античной традиции его можно сопоставить только с Христом. Они очень похожи. Он шел на жертву как Христос. Сократ почему был казнен? Если бы я был одним из тридцати тиранов – я бы приговорил его к смертной казни. Греки были терпимые люди, там не было жесткой идеологии, не было касты жрецов. Его смерть была результатом политического решения, не религиозного. Сократ слишком выступал из ряда и он представлял серьезную опасность. Сработал инстинкт политического, полисного самосохранения. Как в случае с иудеями. Евреям ничего не оставалось, как только казнить Христа. Если бы его дело победило – от иудаизма ничего не осталось, только пыль. Христос не оставил им другого пути. Так же с Сократом. Это по поводу пределов. Сейчас ситуация с Сократом тоже есть. Вместо Сократа сейчас выступают гомосексуалисты. Как мне к этому относиться. Я, наверное, в данном случае консерватор. Есть люди, которые без этого не могут, но надо признать, что это исключение из правил. Если это норма затрудняюсь, как сочетать одну норму, нашу норму физиологическую с нормой гомосексуализма. Пусть у них будет ниша, клубы и т.д., ради бога. Но если гомосексуализм претендует на то, чтобы стать идеологией, полноценной альтернативой норме, тотальным жизненным стилем, охватывающим все сферы жизни – здесь уже извините. Может быть я ошибаюсь.

Что касается поколенческих различий в отношении к частной жизни как ценности. Старшие, как мне кажется, жили в условиях, когда свободы не было, когда свобода воспринималась как глоток воздуха или глоток алкоголя. Надо было куда-то уйти. Это была такая фрустрированная приватность. Глотнуть, куда-нибудь уйти: на кухню, или где-нибудь с женой под подушкой, или где-нибудь, как казаки, – дальше, дальше, или как раскольники. Уйти от этого монструозного государства. Свобода воспринималось более остро. Сейчас это ощущение, мне кажется, отчасти утрачено. У молодежи таких проблем нет. Я согласен с тем, что ее понимание приватности преимущественно телесное. Я всегда чувствовал себя отчасти, а может в существенном смысле, маргиналом. Меня всегда пугало общество, которое на меня претендует, и я искал, как я могу защититься от общества, как я могу почувствовать себя человеком, как я могу выразить хоть какое-то слабенькое человеческое достоинство. В пьянство я не ударился. А пьянство – это наша форма приватности. Это наш основной национальный обряд, основная форма терапии. Для молодежи наверное в меньшей степени, не знаю. Вот такой эскейпизм, фрустрированная приватность. Может быть, сюда еще можно добавить какие-то религиозные формы приватности. Современность я воспринимаю отчасти как Левиафана, который хочет меня поглотить, современность это бег, это воронка, это раздерганность моего существа, я раздроблен как феодальная Франция, я разложен на свои влечения, на свои ситуации и это меня очень тяготит. Я хотел бы собрать себя вокруг своего центра. Но своего нормального центра в этом плане жизни я не нахожу нет. И, может быть, я бегу, может быть я тоже эскейпист, я эмигрирую в себя. В себе, глубже, глубже, глубже, на границах себя и не себя я нахожу ядро, вокруг которого я могу собрать всего себя и обрести некоторую целостность. Это для меня и есть приватность в собственном смысле этого слова.

Боюсь, что молодежи это все «до фени». Ей это не интересно. Молодежь исповедует языческий стиль приватности, телесную приватность. Если у старших между свободой и не свободой четкий водораздел, граница маркирована, здесь стоят пограничники, мимо которых надо пробежать, то у молодежи этой проблемы нет. Их приватность, она проще, она постоянно выходит в публичность, мне так кажется. Вот это «за стеклом» - они могут раздеться, показать себя. Они этого не боятся. Но здесь есть некое, мне кажется, некоторое поражение приватности. Может быть, потому что они проще. Приватность и публичность – в случае с молодежью, между ними нет четкой, жесткой демаркационной линии.

С.Г.Маковецкая Итак у нас теперь есть идея о том, что продвижение права на частную жизнь – это некоторое влияние вестернизации (я так жестко говорю). Тогда надо посмотреть насколько возможно существование национального русского золотого стандарта приватности, в чем он заключается и т.д. Право на уход, каждый уходит так, как хочет, очень замечательная, интересная штука и водораздел приватности возникает там и тогда, где человек понимает угрозу приватности. Отсюда возникает совокупность оценок, характеристик частной жизни. Идея о том, что существует «языческий» стиль приватности и приватность «от кутюр», мне кажется очень интересной. Я бы хотела с правозащитниками об этом поговорить, потому что, вполне возможно, их очень жесткие конструкции, это и есть та самая приватность «от кутюр», которую никто не носит, но всем нравится на нее смотреть.

Ну и прежде чем будем подходить собственно к нашей дискуссии, я хотела бы в качестве затравки, сказать о том, что я пыталась разговаривать о приватности с тремя разными людьми и пыталась выяснить у них примеры жестких ситуаций, когда они поняли, что кто-то покусился на их право на частную жизнь. И получилось три очень интересные конструкции. Одна конструкция принадлежит успешному менеджеру из Лукойла, который сказал, что самое большое унижение частной жизни он испытал тогда, когда пенсионеры перегородили камский мост, и он не мог попасть на работу. И это самый яркий пример вмешательства в частную жизнь. Все что можно, чтобы этого не повторилось, он сделает. Другая конструкция принадлежит человеку, который имеет отношение к правозащите, который уязвлен до глубины души тем, какая музыка транслируется в наших автобусах. Поскольку этот городской романс, который необходимо слушать всем, потому что это нравится водителю, им очень остро воспринимается как тоже покушение на его частную жизнь, как то, что является помимо моды и приличий тоже вмешательством в частную жизнь. И еще одна конструкция принадлежит человеку, который много пишет в Живом Журнале и у них была дискуссия в отношении того факта, когда КонфОП в антимонопольном разбирательстве заставила снять рекламу по поводу Линора «о чем думает женщина на работе». Помните, она думает сначала о том, почему у мужа рубашки грязные, потому почему у дочери свитер колетса, а потом, когда все это решила с помощью Линора, она начинает думать об отдыхе. И Конфоп, который воспринимал как явную победу, говорил о том, что это унижающая достоинство женщины реклама. Специально в ЖЖ обсудили это. И идея касалась частной жизни, они сказали, что это такое социальное менторство и морализаторство, считать, что думать на работе по поводу работы приличнее, чем думать на работе по поводу собственной жизни. Вот это мое дело, о чем хочу на работе о том и думаю, а, в данном случае, сначала государство в это вляпалось, а потом общественность теми же ногами в эту же чистую душу вломила. И в том и в другом случае было нарушено мое право на частную жизнь. Вот три разные конструкции. Давайте попытаемся начать наш разговор.

А.Б.Суслов Наверное как бы мы ни пытались, мы бы не договорились что же есть такое частная жизнь. Стоило бы сначала поговорить об индикаторах. Неприкосновенность частной жизни, иначе можно сказать угрозы частной жизни – это то, что имеет отношение к правам человека. И если это так, то одним из важнейших индикаторов, конечно, будет человеческое достоинство. Какие могут быть эталоны. Есть более менее сформированный подход, допустим в Европейской конвенции прав человека, в решениях Европейского суда, есть целый ряд подходов по поводу вмешательства в частную жизнь и по поводу того, что под этим следует

понимать. Мне кажется, как настройки – вполне можно использовать. В частности, там есть то, что показывает, что для разных людей частная жизнь будет разная, по-разному оцениваться. Чем публичнее человек, тем меньше он может рассчитывать на защиту своего прайвеси. Человек, который пошел в политику, он не должен говорить, что это у него частная жизнь. То, что человек, похожий на Генерального прокурора моется в бане с проститутками – это уже не факт его частной жизни, это факт публичной жизни политика. Если вы выходите на площадь, вставляете себе в задницу перышко и демонстрируете себя всем – вы уже публичны, вы не можете рассчитывать на защиту прайвеси, если вы участвуете в шоу «Дом 2» или каком еще о каком прайвеси речь идет, если вы сами это сделали. Может быть, действительно существуют какие-то поколенческие разрывы в понимании того, где есть допустимое вмешательство, где недопустимое. Но это будет касаться больше нашего понимания вещей, связанных с вопросами морали. А то, что касается неприкосновенности частной жизни как права человека – это будет мало связанным.

С.Г.Маковецкая Андрей, если верно понимаю, правозащитник ко всему прочему и слышать из уст правозащитника, что существуют сегрегированные в отношении приватности группы – в виде заключенных, солдат и VIP, это очень странная конструкция.

А.Б.Суслов Солдаты они не сами по доброй воле пошли в солдаты, для того чтобы им жить в этой казарме, а политик, телеведущий, актер – он сам в это вляпался, сам этого захотел.

С.Г. Маковецкая И поэтому они не имеют право ходит в баню.

А.Б.Суслов Они имеют право ходить в баню, они не имеют права подавать в суд. Они не защищены.

К.Демакова Мне хотелось бы ответить на реплику Вячеслава Михайловича о том, что у нас молодых, если я правильно поняла, вы считаете нет точного представления о частной жизни, поэтому нам не слабо сниматься в реалити-шоу, нам не слабо публиковать свои дневники в Интернете. Я считаю, что это некое такое мифотворчество, некий ответ на глобализацию, на стремление к информационному обществу, где все про всех все знают. И мы творим такой некий миф о своей частной жизни, чтобы действительно настоящую частную жизнь скрыть еще больше, глубже уйти в себя и закрыться такой стеной.

А.Резник Мне кажется, что данный разговор о частной жизни довольно таки абстрактный. Это знакомая картина, типичная интеллектуальная игра. Важная в первую очередь для первого мира, цивилизации, но никак не для простого народа и т.д. И вообще, концепция частной жизни – это типичная *элитарная* концепция и мы заведомо боимся говорить о реальных корнях этой идеологии. В каком мире мы живем. У нас мир, где главная ценность – частная собственность. Либерализация мышления вполне естественное следствие глобализации и по отношению к России – стране второго мира, а может даже третьего скорее, это своеобразная интеллектуальная колонизация. Здесь сидят люди, которые для нашего поколения – вы сделали нам демократию, у вас был идеал – демократия США. Что такое США, мы потом выяснили, когда повзрослели, что США это бомбы в Югославии и Ираке, это постоянные репрессии, это поддержка диктаторских режимов в Южной Америке, это эксплуатация третьего мира, это идеология тупой, развратной и извращенческой поп-культуры. Это мир лжи и большого обмана. Посмотреть хотя бы замечательные передачи Майкла Мура, несмотря на то, что он либерал – он показывает все это. И кризис ... гуманизма сейчас очевиден и не последнюю роль в этой концепции играет частная жизнь, частная жизнь как жизнь заведомого эгоизма, как уход в себя, как идеология отчуждения. Совершенно типичный и откровенно честный пример с менеджером из Лукойла, я участвовал в перекрытии и, знаете, он вышел и сказал бы это людям – он бы поплатился за это. Он совершенно не понимает тот народ, который создает все эти ценности, благодаря которым он ездит на машине и т.д. Это совершенно замечательный пример. Это театр масок и теней. Та мистика любимая, которая

опять культивируется интеллектуалами и либералами – это действительно практика отчуждения. И мифологизация, тот самый образ мышления, о котором сказало поколение наших родителей. Молодежь была действительно свободна на баррикадах 68 г. во Франции, до того как ее не поглотил государство-левиафан, переработал. В России благодаря этому поколению Советского Союза, которое мечтало выбраться в США, за кордон, мы, новое поколение, действительно отчуждены, мы не участвуем в культурной жизни ни в политике, мы культивируем «дом 2», мы культивируем всякие глупости. Нас несколько десятков и мы были свободны только когда участвовали в движении протеста в январе, феврале. Это дало нам такой заряд творчества и позитивной энергии, что мы и сейчас не будем останавливаться, мы будем работать дальше. Мы никогда не говорим, что это наша частная жизнь, наша жизнь общественная, только так мы реализуем свою личность.

М.Б.Касимов Меня заинтересовал вопрос о границах частной жизни. Я подумал, а где границы частной жизни на подводной лодке, где границы частной жизни в камере тюремной. Но они же все равно есть. И они точно есть там. И в тюрьме они действительно гораздо более жесткие. Если ты позволишь себе, чтоб кто-то переступил через твою границу частной жизни - после этого ты понижаешься в ранге, внутри этой тюрьмы. Получается такая закономерность, чем ближе люди сосредоточены друг другу, тем у них уже границы частной жизни – это объективно. Наверное, границы моей частной жизни – это расстояние моего кулака. Там где я могу защитить свою частную жизнь – там моя частная жизнь, где я не могу – я вынужден свою частную жизнь соизмерять внешними угрозами и опасностями.

Второй аспект. Я как председатель совета самоуправления издал справочник, в котором указал ФИО каждого жителя подъезда, год рождения, телефон, его любимые занятия, чем он может помочь соседям, имена, клички животных и еще ряд информации. И соответственно, этот справочник издал и выдал в каждую квартиру каждого подъезда. А вот дальше интересна реакция. Я предрекаю сразу вопрос – спрашивал ли я разрешение на это. Да, спрашивал со всех, я со всех спросил и опубликовал в любом случае эту информацию – давали они согласие или не давали. Здесь два подхода. Один – есть вмешательство в мою личную жизнь, я имею право скрывать от соседей сколько мне лет, чем я занимаюсь, какие у меня животные. Вторая позиция сформулирована таким образом, что от соседей тайн быть не может. Потому что сосед соседу – потенциальный источник террористической опасности. Сосед сверху может затопить водой. Сосед снизу может тонну гексогена загрузить в свою квартиру и взорвать. Поэтому когда соседи друг друга лично знают, то они более защищены. Если бы речь шла об американском городе, где отдельные дома стоят, то, я согласен, что информацию обо всех кто живет в этом городке, может быть, и не нужно иметь каждому. Но в рамках одного подъезда, при скученности – это ситуация с подводной лодкой или с камерой. Заключение должен знать социальный статус того, кто рядом с ним находится, иначе он может сам пострадать. Точно также в отдельно взятом подъезде соседи не могут не знать о соседях больше, чем они хотели бы от них скрыть, потому что они при случае являются источниками потенциальной опасности. Если бы мы жили в отдельных виллах – наша частная жизнь ограничивалась бы пределами вилл. Но если мы живем в одном подъезде, то к сожалению, эти границы становятся очень растворимыми.

М. Гащенко Я бы хотела возразить насчет кризиса нравственности и его связи с индивидуализмом людей. Мне кажется, здесь абсолютно обратная связь. Человек начинает индивидуализироваться, начинает защищать свою частную жизнь только когда начинает страдать от общественной безнравственности. Например, я буду индивидуализироваться если буду страдать от воздействия окружающих людей, если оно мне невыгодно и неприятно. Ваши слова о высокой нравственности коллективизма, я считаю не особо обоснованными. Мне кажется, что молодежь именно поэтому и склонна к индивидуализации, потому что процессы в общественном сознании, они поработают, они пытаются манипулировать сознанием каждого человека. Мне кажется, молодые люди так пытаются сохранить свободу.

Е.Дорофеева Мы достигли уже определенного уровня развития, в том числе и экономического, большая часть населения у нас не задействована в тяжелых производствах, поэтому у людей есть время подумать о своей личной жизни, уйти в себя, заняться не физическим трудом. Да, возможно, частную жизнь можно отрицать как удел высококолых интеллектуалов. Тем не менее, отношение к частной жизни у всех людей разное. Чем больше человек занят, тем меньше у него времени об этом думать. Что касается такого момента как коллективизм – здесь ранее было сказано, что нам долгое время навязывали коллективную форму воспитания. Хотелось бы сказать о пенитенциарной системе. Коллективная форма, которая свойственна, что для пионерского лагеря, что для обычного лагеря – практически одно и то же. Личная жизнь выставляется напоказ, и здесь бросается в глаза отличие от зарубежных уголовно-исполнительных систем. Вопрос в отношении контингента заключенных хотелось бы поставить отдельно. Так как этот контингент достаточно незащищенный, так как защищать права в исправительном учреждении намного сложнее, чем защищать их на свободе.

С.Г. Маковецкая Я хотела бы добавить, что как бы мы не относились к абсолюту или к эталону ценности частной жизни, мы должна понимать, что сейчас реально взрывают метро, ездят машины с гексагеном и т.д. Как мы определяем границы того, что мы будем разминать на безопасность. Может имеет смысл поговорить про практические вещи – что мы на что будем тогда менять.

А.Б.Суслов Очень важно от кого исходит угроза: если угроза исходит от соседа – это одно, если угроза исходит от власти это другое. Если мы говорим о прайвеси, связанной с правами человека, то конечно речь идет о взаимоотношениях моих и власти. Со стороны государства гораздо большая опасность. Сейчас создается масса баз данных по разным поводам. Нас конечно часто заверяют, что это никому не станет известным, но мне по Интернету чуть не каждый день приходят предложения по интернету купить разные базы данных. В результате я могу получить любые сведения сведения о конкретном человеке, не только о собаке, но и о том, какая есть собственность, какая семья и прочее, вплоть до банковских счетов. То же самое камеры, которые везде устанавливаются. Должен быть какой-то допустимый предел. Где этот предел. Предел раз и навсегда, по всей видимости мы не очертим. В европейской конвенции прав человека описывается так - право на частную жизнь является правом ограниченным, его можно ограничить общественным интересом. Как общественный интерес могут выступать соображения государственной безопасности, борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, права и свободы других людей. Можно представить почему может государство вмешаться. Это вмешательство возможно только в тех пределах допустимы в демократическом государстве. Если это будет такое вмешательство, которое даст нам тоталитарное общество...

С.Г.Маковецкая Если мы будем говорить о конвенциях мы практически никуда не двинемся, потому что само выполнение конвенций и готовность к тому что государство не выполняет конвенцию это само есть предмет некоей общественной конвенции, общественной договоренности о том, что первично, а что вторично в контексте прав человека.

С.В.Маленко Каждый человек, который снимается в «Дом-2» получает 20-25 тыс. долл. Я думаю, что вопрос о реалити-шоу снимается – они зарабатывают деньги, как актеры. Государство действительно лезет куда угодно, но в таком случае работа с дивиантными отклонениями, работа с людьми групп риска – это вмешательство в их частную жизнь. Не смотря на то, что я пытался всякие слухи пускать в тусовку, ну не интересна ни для кого в России частная жизнь другого человека. Всем глубоко наплевать, если вы не А.Б.Пугачева, если вы не Лайма Вайкуле, если вы не Скуратов и многое другое, то на уровне региона лично ваша частная жизнь бабушке тете Соне, доярке 70-летней, глубоко фиолетова. Мы говорим про такую публичную частную жизнь. Если это соседка, которую вы залили или включили громкую музыку, то конечно вы нарушили ее частную жизнь, а она нарушила вашу частную

жизнь, потому что мешает вам слушать музыку громко, когда вам этого хочется. Есть законодательные рамки – кодекс, который запрещает после 23.00 включать и т.п. Андрей Борисович прав, есть публичная частная жизнь: я не могу рассчитывать, что мои интимные отношения с кем-либо, мое имущество, мое желание власти, мое желание карьеры не будет обсуждаться не будет обсуждаться людьми, которым я вдруг помешал чем-то или я нарушил их частную жизнь или я им оказался интересен. В случае, если я являюсь отдельно взятым человеком, то каким образом в стране решить вопрос конфликта интересов между желанием жить частно одного человека и желанием жить частно другого человека – вот это я считаю вопрос, причем риторический. Потому что очень тяжело, мне кажется, в нем разобраться. А вмешиваясь вместе в термины глобализации, индивидуализации, парадигму общих собраний и все остальное в решении вопроса каждого отдельно взятого человека в рамках совершенной или несовершенной законодательной базы мне кажется очень сложным.

П.Миков 11 лет я жил в условиях полного отсутствия неприкосновенности частной жизни, сегодня для меня лично это огромная ценность. Возвращаясь к теме дискуссии – Россия XXI век: неприкосновенность частной жизни в России: а) невозможна, б) не нужна. Достаточно провокационно, но я бы добавил еще в) не актуальна. Мы вообще-то в XXI веке живем и тот мониторинг прав человека, который мы проводили два года в школах пермской области показывает абсолютную неактуальность частной жизни как среди педагогов, которые по сути дела формируют наше с вами будущее общество, образовывая детей, так и среди детей. Только пять процентов педагогов считают, что у них есть право на частную жизнь и называют его, и только 9% учеников старших классов также называют это право. Но в чем парадокс: и те и другие осознают ценность – они не знают об этом праве, не знают о его границах, но ценность его признают. Например, и ученики и учителя очень возмущаются, когда вмешиваются в частную жизнь. У учеников на первом месте стоит такая проблема как комментирование взрослыми, учителями отношений между разнополыми лицами. Вот эта внешняя частная жизнь. На втором месте комментарий отношений между однополыми детьми, и 50% отмечают это. При этом одной из угроз частной жизни является сохранение патриархальных отношений в сельской местности. И дети и учителя, проживающие и обучающиеся в сельской местности гораздо более чаще идентифицируют вмешательство в свою собственную частную жизнь. И вот эта вот мультипликация нарушений права на неприкосновенность частной жизни в образовательных учреждениях, где дети проводят основную часть своего детства с 7-ми лет до 18-ти, 10-11 лет и приводит к тому, что это право на неприкосновенность частной жизни оно в ближайшее время для нас будет не актуально. И когда государство нам предложит ради безопасности усилить меры, прослушку например ввести, я считаю, что граждане будут только за. Хоть микрочипы вживить. И не будет людей, которые выступили бы против, потому что это не есть на самом деле ценность. Хотя дискуссия наша каждый раз поворачивается, и некоторые вещи я бы отнес к неким личным предпочтениям. Я считаю, что водитель, который в автобусе включает М.Круга – это не есть вмешательство в частную жизнь – я могу выйти.

И.В.Аверкиев Нельзя не отреагировать на замечательное выступление наших левых коллег. Но я это сделаю в соответствии с тематикой. Феномен частной жизни имеет совершенно очевидно две ипостаси, он их много имеет, но одна дихотомия, это совершенно очевидная гуманитарная проблема. Я думаю, что никто с гуманитарностью, гуманитарной составляющей частной жизни спорить не будет. Частная жизнь – составная часть стиля жизни и в этом смысле все понимают, что дома, входя в туалет, закрываются. Им запретят закрываться – речь пойдет именно о частной жизни, хоть вы правые, хоть вы левые, хоть какие. Все понимают, что когда перед вами камера 16 человек, и отхожее место открытое, и вы 10 лет живете в таких условиях – всем понятно, что такое частная жизнь, как это важно. Есть серьезный политический контекст в этом явлении частной жизни. Я хотел бы отнести в Вячеславу Михайловичу о тайной составляющей либерализма. Действительно есть очень важный либеральный контекст в этом понятии частная жизнь, но нужно четко понимать, что частная жизнь существовала всегда. Потребность в частной жизни, в отграничении себя от

толпы, в уединении, так было и в эпоху Сократа и раньше и сейчас и после того. Но не случайно, что именно либерализм легализовал вот это нормальное желание ограничиваться, поскольку это действительно вытекало из концепции либерализма. Если мы хотим, чтобы наша страна стала современной страной, чтобы она пережила болезненную модернизацию, без нее она не сможет быть современной страной, чтобы соревноваться с теми же США, Европой и т.д., то модернизация, по сути дела, реализуется настолько, насколько много в стране свободных людей. Людей, которые получают удовольствие от свободы. Личное ощущение от свободы – это очень важно и это именно удовольствие, эмоциональное переживаемое удовольствие. И получается следующая вещь, что первичный опыт удовольствия от свободы, подсознательный опыт, мы получаем осваивая свою частную жизнь. Когда ребенок закрывается у себя в комнате, он привык получать кайф от того, что к нему мать с этими глупыми вопросами в ближайший час не зайдет – он получил удовольствие от свободы, от свободы от нее, но именно потому, что осваивал практики частной жизни. А Россия – это страна с глобальным свобододефицитом. Люди не ходят на выборы, потому что люди не умеют получать удовольствие от свободы своего мнения. Со свободой рынка тоже, мы опять опустимся в это понимание, если копаться – люди не занимаются частным бизнесом, потому что не понимают, какой этой кайф заниматься чем-то самому и заработать кучу денег. Кайф тратить так как хочу деньги, которые сам заработал – ну не умеют это получать. Поэтому очень важно, чтоб не было детских домов. Там могут хорошо воспитывать детей. Но мы с ними сталкиваемся – они выходят оттуда рабами. Они не понимают ничего о свободе. Очень важно, чтобы было по-другому в тюрьмах, чтобы в армиях было по-другому. Изначально под всем этим лежит именно частная жизнь, разветвленная система практик, когда человек умеет уединяться, когда он становится индивидуалистом, что так не нравится нашим левым коллегам. Но не будучи индивидуалистом – не познаешь свободы. Замечательная мысль Ксении Демаковой, я что-то такое чувствовал, но она это совершенно грамотно сформулировала. По-моему тенденция моего поколения к молодежи, что она абсолютно бесстыдная и срамная, демонстрирует все что было раньше частное, на самом деле это только поверхность. Это такой способ, я вам отдаю на откуп часть своей частной жизни, подавитесь ей, и тем самым я защищаю все остальное, все самое главное. Я думаю, что все эти практики максимальной публичности молодежи это всего лишь попытки очень незащищенных в смысле частной жизни людей защититься демонстрируя гипероткрытость. Почему меня настораживает неприятие случая с водителем менеджером из Лукойла, которому перекрыли дорогу. Вы как раз перекрывали, когда «Кама» уезжает и несколько людей, один из которых присутствием здесь – она успела, а потом когда «Кама» ехала - люди с чемоданчиками бежали, но так и не успели. Это были пожилые люди, которые тоже живут на пенсию, и которых тоже волновала проблема льгот. Это к чему. Что люди, которые изначально прощают себе посягательство на чужую частную жизнь, выдают себе индульгенцию себе – ради высоких идей мы все это можем сделать - вот из этого тоталитаризм рождается, концлагеря, загнать всех и по справедливости. Это замечательно, наши левые коллеги делают правильное дело, потому что некому заступаться за людей. Но когда за одних сирых и убогих заступаются посредством нарушения права на частную жизнь посредством других сирых и убогих. Или не сирых и убогих. Там более – делят тем самым людей на тех, кто достоин сочувствия левых и не достоин.

А.Резник Сначала немного теории. Я никак не могу согласиться с субъективизмом социологии и по сути утопизм о множестве свободных личностей, чем их больше, тем обществу внезапно становится лучше. Это заведомо неравномерный процесс. Правозащитники, либералы не работают на широкие массы. И не могут их воспитать, внедрить им какую-то передовую, хорошую идеологию. Хождение в народ, это глупости абсолютные. А так кажется, что это именно есть утопия, что Россия может сравняться экономически и политически по уровню свободы с какой-нибудь Швецией это заведомо нереально, на это сотни лет уйдут при условии социального мира. Социального мира в обществе капитала не бывает. При каких бы то ни было взглядах, приходится это констатировать. Для буржуазного сознания всегда останется чисто риторическим вопросом, почему один буржуазный карьерист обманывает другого,

почему пролетарские дети потом портят ему машину, почему потом широким массам это надоедает – происходит революция, как пару дней назад в Эквадоре. Почему на обломках великих свершений собираются правозащитники и пытаются снова решить эту проблему, как-то восстановить. Элита такая с благими намерениями, которые сами на деньги этих буржуа все это организуют и т.д. И еще одна маленькая ремарочка насчет концлагерей. Они не в Советском Союзе впервые появились, их Англия впервые использовала в войне против буржуа и во время первой мировой войны демократические государства активно туда очень много людей засовывали. Правда не так много истребляли как Сталин. Сталин хотел сохранить как раз пространство для правозащитников, чтобы было много крови, чтобы правозащитники могли потом поднять ... Так вот, в части практической. Культивировать принцип какой-то свободы, сопротивления государственному аппарату насилия - это, я думаю, даже левые могут поддержать. Потому что телефон прослушивают – от этого качество связи плохое. Но у большинства не прослушивают, большинство действительно не понимает в чем самодостаточная человеческая свобода их личности. Если уж у правозащитников есть много денег на издание всяческих журнальчиков, можно листовочную кампанию, можно журнал сделать, где всю нашу дискуссию разместить, в интернете сайт сделать и т.д. Это не так сложно, главное это инициатива. В частности по частной жизни, сколько я ни попадал в милицию, там люди не понимают этого. Я им, конечно, не вешал лапшу на уши про частную жизнь, я пытался объяснять по части законов вразумить, тоже не понимают. Допустим, если правозащитники здесь нас левых не съедают, им будет не так сложно оперативно реагировать когда нас задерживают. Суды против нас начинаются. Хотелось бы получать помощь. Может тогда станет меньше споров, меньше путаниц в таких глобальных абстрактных понятиях как частная, личная жизнь.

С.Г.Маковецкая Появился еще один аспект, связанный с разумным ограничением права: право на частную жизнь зависит от траектории предыдущего развития страны. В нашей стране невозможно реализовывать право на частную жизнь, просто надо разумно самоограничиваться.

Д.Г.Галицкий Государство охраняет данные моего паспорта. Я не понимаю, чего его охранять, я не считаю, что эта информация вообще подлежит какой-либо охране. Под частной жизнью многие понимают возможность организовать свой мир, так как ему хочется. В этом смысле частная собственность является физической основой такой организации. Левые точно так же пользуются своей частной жизнью, частными квартирами для собственных собраний. Это право, сколько человек живет, столько оно существует. На бытовом уровне оно называется так «А тебе какое дело?». Оно существует во всех социальных группах. Второй аспект – это охрана частной информации. Это некое право обмануть всех, чтобы казаться лучше. Оно нигде не закреплено, но все им очень хорошо пользуются. И все имеют в виду, что я могу не пускать людей в некоторое пространство и говорить, что на самом деле я лучше. Люди хотят показаться лучше, когда в своей референтной группе они видят, что таким нельзя быть, за это есть наказание. У молодежи, как мне кажется, с частной жизнью меньше проблем. Они не боятся смотреть Симпсонов, не боятся раздеваться. На самом деле свободному человеку, ему на это прайвеси, по большому счету, наплевать. Если я не боюсь быть таким, какой я есть... Я буду защищать свое право частного мира. Но право частной информации – да, пожалуйста, я всем скажу номер паспорта и т.д. Мне нравится, что проблема частной жизни становится менее острой для молодежи. Мне кажется, есть сдвиги. В Америке люди стали меньше пользоваться услугами психологов, потому что они стали относиться к себе нормально, какие они есть – такие есть, комплексов стало меньше и психологи отпали.

В.М.Раков Во многом благодаря молодежи. В 70-е годы, когда Америка была ханженская, пуританская, взрослые, навреное впервые в истории человечества, посмотрели на молодежь удивились, не стали порицать и взяли уроки.

С.Г.Маковецкая Мы проводили исследование о том, что для потребителя государственно-властных услуг важно, и заложили большой кусок, связанный с конфиденциальностью информации. Стали опрашивать людей и выяснилось, что мы не одного ответа не получили в отношении того, что есть какая-то ценность защиты информации, когда человек заполняет данные о себе в бланке в паспортном столе. В лучшем случае, выяснилось, что есть такие услуги, которые нужно оказывать без свидетелей, например, и получение жилищной субсидии хотелось бы, чтоб не видели. Мы столкнулись с ситуацией, когда мы не выловили ажиатажного спроса в отношении конфиденциальности, но вместе с тем, в стандарты все-таки заложили. Потому что существует цивилизационная составляющая и гуманитарные обязательства России, из которых следует, что защищать конфиденциальную информацию все равно придется. Существует еще одна проблема: в отношении частной жизни существует для каждого человека отдельная несжимающаяся составляющая, принципиально важная, потому что это человеческое в человеке, называется достоинством. И проблема в том, что в этом конгломерате существует статусная составляющая (частная жизнь как показатель статуса), ханженская составляющая, но, скорее всего, там и есть вот это обязательная заинтересованность в том, что это частная жизнь. Поскольку у нас нет дискуссии в отношении частной жизни, нет никаких опознавательных точек, те, кто являются властью (... Лукойл, учителя, водитель автобуса и т.п.) считают, что все как-то понимают что такое частная жизнь, и все приблизительно согласны с тем, что мы взамен того, что будем раздеваться до колготок с дырками в аэропорту, получим некоторую безопасность. А для меня вот как раз это несжимающаяся составляющая. И по этому поводу нужно специально определять – как мы будем решать эту проблему – человеческого в человеке, который живет в России, если для него это несжимающаяся составляющая.

М.Б.Касимов Я хотел бы сказать по поводу права кого-то успеть на поезд, когда кто-то перекрывает дороги. Я бы это сформулировал несколько по другому: перекрытие дороги – это экстремальная ситуация. Я бы для простоты провел аналогию с зоной: это ситуация, когда кого-то пытаются опустить, а остальные спокойно хавают и этот человек подходит, переворачивает стол. У вас нет права хавать, пока мою личную жизнь кто-то пытается опустить. И по другому он сделать не может. Если он это позволит – его опустят. И тут тоже самое: пенсионеров решили опустить, государство их опускало, и пенсионеры, на самом деле, пожертвовали собой, вышли пенсионеры статусные, которые всегда с властью нормальные отношения имели и им плюнули в лицо. Ты не будешь есть пока они жертвы. Твой стол все равно перевернут.

А.Б.Сулов Я хотел бы подчеркнуть, все таки как индикатор надо иметь ввиду такую вещь, как человеческое достоинство. И я чувствую, когда мое правеси нарушается, когда это меня цепляет, мое достоинство. Недавно мы побывали Стокгольме и посмотрели на прелести построенного шведского социализма. Я бы хотел сказать, что от социализма пахло тоталитарным душком. И на примере прайвеси это тоже чувствуется. Даже не на том, как вы видите, что там очереди за водкой побольше чем у нас при Горбачеве. А именно прайвеси. Нам рассказывала гид наш. Она как-то раз хотела поменять дверь в своей квартире, но оказалось, что она не может сделать это сама, потому что она должна согласовать это со всеми жильцами в доме. Она сказала, что я согласую в фирме, фирма мне поставит дверь похожую, но нет надо все равно согласовать со всеми, несмотря на то, что она просто хотела усилить, поставить железную дверь. А жильцы не соглашаются. Просто так выйти из этого социума, сказать «а пошли вы все куда подальше» она бы конечно могла, но ее бы этот социум выкинул. Потому что это действительно то общество, которое давит на личность.

С.Г.Маковецкая У нас тут, как минимум, два посыла, один связан с тем, что придется накрепко связать между собой демократию и права человека, и тогда мы будем получать всякий раз в лоб в отношении развитых демократий, которые нарушают права. Либо вариант, при котором мы соглашаемся на то, что претензии на абсолютизацию прав на частную жизнь

являются формой социальной безответственности, поскольку все остальные не могут реализовать свои претензии на коллективное решение проблемы, на безопасность и т.д.

М. Бахарев Что такое частная жизнь. Частная жизнь для меня, это тот мирок, в который я не хочу пускать других. Это те сведения обо мне, которые я не хочу разглашать. Сейчас ставится вопрос о замене паспортов на паспорта с биометрическими данными (отпечатками пальцев, данными радужной оболочки глаза). С одной стороны ничего страшного в этом нет. Но остается угроза в технологической реализации этого. В США сейчас много говорят о радиометках, это чип, в который информация закладывается и может быть считана на расстоянии. Любой, кто имеет соответствующее оборудование может на расстоянии считать информацию. Такая же технология предполагается и у нас. Если технологии не будут позволять сохранить паспортную информацию втайне – это вторжение в мою частную жизнь. Что задело меня вчера – Пермэнерго осуществила поквартирный обход с целью снятия показания счетчиков. Извините, когда у 90% пермяков стоят эти счетчики в квартирах это вмешательство в частную жизнь. Если Пермэнерго так озабочено своими доходами – пусть перевешивает счетчик в коридор и я буду иметь полное право не пускать их в мою квартиру. Самое опасное, на мой взгляд – это технологии. Чем больше мы зависим от технологий, тем больше вмешательство в нашу частную жизнь.

Р.А. Юшков Говорить буду я о приоритетах, о приоритетах нашей деятельности, нас, людей наиболее активных. Возьмем Великую Отечественную Войну, Кировский завод, производят танки, которые с конвейера идут в бой, люди умирают у станков от перегрузки, вся страна напрягает все силы для борьбы с фашизмом. Но вот появляется группа людей, хорошие такие ребята, которые как раз в этот момент прочитали конвенцию, провели исследование на ходу, обнаружили, что производство танков сильно вредит рабочему организму, жителям микрорайона, и начинают протестовать активно, бойкотировать это производство. Что руководству делать с такой группой. Расстрелять очевидно. Я будучи зеленым, тем не менее отдаю себе отчет в разных приоритетах. В настоящее время идет разговор о частной жизни на фоне проблем стремительной депопуляции, вымирания населения, алкоголизации, наркоманизации, первое место по числу суицидов, 2 миллиона беспризорников на улицах, паралич системы управления, коррупция, разъедающая страну, последние веяния – угроза оранжевой революции и т.п. и в этой ситуации мы говорим о частной жизни. Я, в отличие от Александра Резника, не отрицаю эту ценность начисто, но в контексте приоритетов, о которых у нас должна болеть душа и чем мы должны заниматься... Я здесь категорически не согласен с Игорем Валерьевичем, что частная жизнь это тот показатель, тот симптом, который отражает степень общественного здоровья и вообще степень процветания. За последние 10-15 лет да, наверное, в плане частной жизни у нас есть кое-какие улучшения, люди стали более свободны, независимы. По всем остальным социальным показателям – полная деградация и обвал. И в этом контексте эта тем частной жизни мне кажется частью какой-то такой игры очередной. Мне горько видеть, что наши очень ограниченные ресурсы, человеческие, интеллектуальные, всячески посвящаются сейчас такому приоритету, седьмому в третьем ряду в контексте тех проблем, которые стоят перед страной.

И.В. Костерина Мне хотелось бы попытаться подвести итог дискуссии. Мы много говорили о ценности частной жизни. По моему мнению, частная жизнь не может быть признана какой-то абсолютной ценностью и нужно ввести рамки, которые делали бы эту частную жизнь одинаковой для всех. Это действительно безумие. И тем более мы не можем говорить о каких-то нормативах частной жизни применительно ко всем людям. Потому что частная жизнь для человека взрослого, для человека молодого, частная жизнь мужчины и частная жизни женщины, частная жизнь человека, живущего в городе и селе – это будет абсолютно разные вещи. Естественно мы не можем придумать какое-то законодательство, положения, которые бы регулировали все эти различия частной жизни, но инициировать такую дискуссию и поддерживать, я думаю, просто обязаны. Иначе все рассуждения у нас сведутся к тому, что людям кушать нечего, а мы говорим о каких-то высших ценностях. Но на то мы и люди, на то

мы и стремимся куда-то, жить, развиваться и быть индивидуальностями, личностями, чтобы говорить именно об этих вещах, какими бы далекими и инопланетными они нам сейчас не казались.

В.М.Раков Это были люди повышенной мотивации, люди предельно ответственные, даже аскетичные, именно эти люди создали современность. И качество истории зависит от того, каково количество этих людей. Если их количество меньше некой критической массы, если они не могут воздействовать на все общество, нам нужно их принять. Нам нужны люди, которые способны подать хороший пример. Если такие люди есть, тогда все остальное приложится. Тогда включаются какие-то механизмы, включается экономика, начинается социальное строительство, строительство гражданского общества и т.д. О частной жизни стоит говорить. Другое дело, что наш исторический опыт к частной жизни имеет косвенное отношение, или малое отношение, поскольку мы народ в целом, как это ни печально, архаический, а архаический человек не имеет собственной точки отсчета, архаический человек, он вынесен во вне. Вот это страшно. Как это преодолевать – не знаю. Наверное, надо не только надеяться на то, что история сама все решит, если мы способны что-то сделать, то что зависит от нас, мы должны это сделать. От этого частная жизнь, безусловно, для меня является базовой ценностью, свобода, точнее говоря, базовая ценность. И что касается моих резкостей в адрес молодежи, я беру эти резкости назад. Мне кажется, что различия, поколенческие различия в отношении к частной жизни между молодежью и старшим поколением, к которому уже я принадлежу, они конечно относительно. Мне кажется, что общего больше. Самое главное – это свобода, в которой равно нуждаются и молодые и старые. В моем представлении частная жизнь, точнее свобода, это свобода, преимущественно, от самого себя, если я могу разобраться с собой, со своей частной жизнью, вот тогда я как-нибудь разберусь со всем остальным. Если я несвободен от себя, от своих страстей, от своих аффектов, своих амбиций, социальных амбиций, каких-то идеологий, если я марионетка своей установки, о какой частной жизни может идти речь. Тогда она действительно не нужна. Что мы тут и слышим. Ну и последнее, об угрозах, мы говорили в основном об угрозе идущей слева, или сверху. Крыша государства, которая нас давит, наша мощная крутая крыша, без которой нам впрочем никак нельзя. Но и еще одна граница частной жизни, она граничит не только с государством, она граничит со свободой, с правом на информацию. Иногда надо не только защищать частную жизнь, но и защищаться и от нее.

С.Г. Маковецкая Мне представляется, что право на неприкосновенность частной жизни имеет и ценностную, аксиологическую, и функциональную составляющую, и как раз про обе вещи говорили. Ценностную в том смысле, что очень важно, чтобы была некоторая общественная договоренность о том, что само по себе обозначаемая отдельным человеком ситуация как нарушение права на частную жизнь или стремление обеспечить свое право на частную жизнь – это достаточный аргумент, который не требует дополнительных обоснований, это гуманитарная ценность. Вместе с тем, конечно, инструментальный характер у него чрезвычайный. И именно поэтому, соглашаясь на то, что необходимо будет ограничивать приватность, жертвовать чем-то, я должна иметь некий инструментальный инструмент (мерило), который для меня будет являться этим последним рубежом. Право на свободу, которое для меня соединено с правом на частную жизнь, и будут тем мериллом, с помощью которого я буду строить свою собственную линию гражданской обороны. Почему это для меня важно. Потому что право на частную жизнь я сама обеспечить не могу. Только аутизмом. Ну или в пустынь уходить, и то не факт, что кто-нибудь из паломников не придет. Во всех остальных случаях я должна буду договориться с группой, с государством о правилах, при которых мое право на частную жизнь обеспечивают. При этом инструментально я естественно поступаю в соответствии со своим представлением о том, как мне не наступить на чужую частную жизнь. А дальше и возникает вот эта ситуация общественных частно-публичных диалогов. Потому что государство, власть, кто угодно, очень часто нарушает мое право на частную жизнь не специальным образом. Он просто не считает что это право, или что это ценность, что он чего-то нарушает. И поэтому нужно выработать специальные

договоренности, если хотите приличия. Может быть, они не совсем общественные, может быть они сначала групповые, потом общественные. Клубная культура, университетская культура, культура левого движения, мне все равно какая это будет культура, но все-таки меньше будет ситуаций, в которых не специальным образом, между делом, будет возможностей залезть в мою частную жизнь. Другая вещь, когда специально ограничивают. Я совершенно четко понимаю, что ограничивать все равно придется. В связи с теми угрозами, которые происходят. А считаем мы угрозой трансатлантическую экономическую кабалу России или международный терроризм, или объем негативной информации, которая на нас сваливается, неважно. Мы все равно будем каким-то образом договариваться об этих самых ограничениях. И дальше возникает вопрос: сейчас эти договоренности идут на уровне «ну как бы всем понятном», отсутствует пространство общественного диалога по этому поводу и получается что все время власть, или некий субъект, который собирается что-то нарушать, оперирует некими гипотетическими договоренностями. А я категорически отрицаю, что существует большинство в этом смысле. И наша дискуссия это показала. Существует совокупность огромного количества меньшинств, каждое из которых имеет свое представление, свою парадигму в отношении права на частную жизнь. Более того, право каждого члена меньшинства будет нарушено всякий раз, когда другое большое количество меньшинств согласно не обсуждать право на частную жизнь вообще, ни с кем, ни с государством, ни с водителем, ни с учителем. Просто запуск этой идеи, создание гражданских, частно-публичных, каких угодно диалогов, которые позволяют сформулировать некоторую готовность общества воспринимать право на частную жизнь как аргумент, хотя бы участия, а потом дальше договариваться по этому поводу – это вещи цивилизационная. И абсолютно человеческая. Потому что человечество становилось человечеством, постепенно осознавая себя как индивид, личность и т.д. и крайне важно, в этом смысле человечеством оставаться. Для меня вот это принципиальная позиция.

ПЕРМСКАЯ АССАМБЛЕЯ

О Т К Р Ы Т О Е П А Р Т Н Е Р С Т В О

Городской общественный фонд культуры «Юртин»
Некоммерческое партнерство Киностудия «Новый курс»
Общество развития предпринимательских инициатив
Пермская областная организация Всероссийского общества инвалидов
Пермское областное отделение Международного общества «Мемориал»
Пермская гражданская палата
Пермский медицинский правозащитный центр
Пермский региональный правозащитный центр
Фонд ЦЭС «Защита»
Центр поддержки демократических молодежных инициатив

614006, г. Пермь, ул. Большевикская, 120а-308, т/ф. 3422/ 36-40-63, e-mail: palata@prpc.ru (ППП)

№ 036 от 15.04. 2005 г.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в **гражданской дискуссии** на тему **«Россия, XXI век: неприкосновенность частной жизни – а) невозможна, б) не нужна»**. Дискуссия организована в рамках проекта «Гражданские дискуссии. Диалог поколений» Открытым партнерством «Пермская Ассамблея» при содействии Представительство Фонда им. Г.Белля в РФ.

Дискуссия состоится **26 апреля 2005 г. в 15.00** в ауд. 511 (4 этаж) второго корпуса Пермского государственного университета (ул. Букирева, 15).

Вопросы для обсуждения:

- Что такое частная жизнь? По каким критериям мы определяем границы собственной частной жизни?
- Каковы современные и актуальные для аудитории угрозы частной жизни?
- Каковы пределы и допустимые мотивы вмешательства в частную жизнь, которые могут восприниматься как болезненные, но необходимые?
- Существуют ли поколенческие различия в отношении к частной жизни как ценности?
- Существуют ли отличия «поколенческих наборов атрибутов частной жизни»?

В дискуссии примут участие пермские молодежные активисты, лидеры НКО, эксперты по молодежной тематике и вопросам частной жизни.

Сообщите, пожалуйста, о возможности Вашего участия в дискуссии по телефону 36-40-63 или по электронной почте palata@prpc.ru.

С уважением,

Председатель
Пермской гражданской палаты

И.В.Аверкиев

ДИСКУССИЯ

Частная жизнь – уважать или не уважать?..

Кого как, а нас по-прежнему волнует проблема уважения частной жизни в России. 26 апреля Открытое партнерство «Пермская Ассамблея» провело гражданскую дискуссию* среди пермских ученых, гражданских лидеров и молодежи на тему «Россия, XXI век: неприкосновенность частной жизни: а) не нужна, б) невозможна».

Сразу оговорюсь, что частная жизнь – это, вообще-то, стихия не для правозащитников, а для писателей, психологов и влюбленных. Только они могли бы, нахлобучив очки на нос, выступать тут экспертами. Поэтому, все, на что мой «отчет» претендует – это сугубо личное впечатление о... Почти с ходу тема обсуждения как-то окунула, закружила, всосала и понесла присутствующих без разбора дороги. Взрослые говорили о духовности, молодежь - о глобализации и о том, что все непросто, политики - о границах, правозащитники - о туалетах, левые - о свободе общественного протеста, правые - о свободе от общественного протеста и т.д. Получилась небольшая увлекательная экскурсия, экскурсия по мирам замечательных людей. Пусть все они были знакомы мне и раньше, но тема частной жизни сделала их еще более яркими, и раскрасила речи весомостью личной убежденности.

Вот Вячеслав Михайлович Раков, историк и мыслитель, слова которого можно слушать как песню, говорит о свободе, об «уходе» вглубь себя одних и «уходе» в пьянство других – как способе реализовать свою приватность.

Крутой вираж, и останавливаемся перед убежденным троцкистом Александром Резником, для которого все разговоры о прайвеси - лишь типичная интеллектуальная игра далеких от народа либералов и интеллектуалов, а уход в себя, в свою частную жизнь – заведомый эгоизм. И действительно, высказывая мнение, он не говорит «Я», он говорит «Мы» от лица настоящих левых: «Мы никогда не говорим, что это наша частная жизнь, наша жизнь общественная, только так мы реализуем свою личность». Но, тем не менее, пафос его выступления сводится к свободе: «Мы были свободны только когда участвовали в движении протеста», только мы да молодежь на баррикадах во Франции в 68 году понимали, что такое свобода. Убежденный правый Денис Галицкий вторит ему, говоря, что на самом деле свободному человеку, который не боится быть таким, какой он есть «на прайвеси, по большому счету, наплевать». И что он, будет защищать только свое право организовать свой мир, так как ему хочется. На защиту либеральных ценностей и индивидуализма встает Мария Гащенко из Правозащитного центра, говоря о том, что человек потому и тогда начинает защищать свою частную жизнь, поскольку и когда страдает от общественной безнравственности.

Отходим еще чуть в сторону и видим Михаила Касимова, наставника и вдохновителя пенсионеров микрорайона «Городские горки». Он рассуждает о границах частной жизни на подводной лодке или в одном подъезде жилого дома и находит много общего. Отсюда вывод, что «от соседей тайн быть не может, потому что сосед соседу – потенциальный источник террористической опасности». В попытке определить пределы и границы частной жизни за Касимовым следует Андрей Суслов, но представляющий уже классический правозащитный взгляд на проблему.

Выдав торжественный залп по поводу гуманитарности и прав человека и отдав дань обсуждению либерализма, спускаемся к частностям. Например, глобализация. Отвлеченное понятие для старших, она пульсирует в венах молодых, что ощущается по первому же к ним приближению. А первой встает боец «Анархо-экологического сопротивления» Ксения Демакова: «Нам не слабо сниматься в реалити-шоу, нам не слабо публиковать свои дневники в интернетовском Живом Журнале, но это только мифотворчество, чтобы глубже скрыть от

посторонних то, что действительно ценно». В советские годы «всевидящее око» заставляло уходить в себя, в современном мире сотни любопытных подглядывающих глаз заставляют создавать мифы о своей частной жизни, создают культуру самопрезентации. Интересно, когда молодежная мода предписывает, чтоб нижнее белье выставлялось из-под одежды – это тоже из разряда «да подавитесь вы моей частной жизнью»? Это уже из рассуждений эксперта по молодежным субкультурам из Ульяновска Ирины Костериной.

Еще разворот - Сергей Маленко, известный пермский телеведущий, вывел новый тип частной жизни: публичная частная жизнь. Публичный человек вынужден принимать обсуждение подробностей своей жизни как должное. Однако и для него остается некая заповедная зона приватности. По выражению модератора дискуссии – «некая не сжимающаяся составляющая, человеческое в человеке». Измерить ее можно у солдат, заключенных и VIP-персон. А по удачному высказыванию Михаила Касимова, эта неприкосновенная зона частной жизни находится в пределах досягаемости твоего кулака - там, где ты можешь ее лично защитить.

Для Игоря Аверкиева частная жизнь – это стиль и умение получать удовольствие от свободы. А понять, что такое частная жизнь, проще всего, когда ее нет: «Когда перед вами камера 16 человек и отхожее место открытое, и вы 10 лет живете в таких условиях, всем понятно, что такое частная жизнь и как это важно». Поэтому и страшно детдомовское воспитание. Пока другие осваивают «разветвленную систему практик частной жизни», ищут и находят свою индивидуальность, детдомовцы только мечтают о свободе, но как с ней жить, не знают.

Модератор дискуссии Светлана Маковецкая вывела всех к последнему на этом обсуждении общему знаменателю: «Существует совокупность огромного количества меньшинств, каждое из которых имеет свое представление, свою парадигму в отношении права на частную жизнь». Время вышло. Экскурсия прервалась, оставив впереди необозримые зияющие просторы.

Ольга Кочева,
сотрудник Пермской гражданской палаты,
газета «Личное дело», апрель 2005 г.

*Дискуссия организована в рамках проекта «Гражданские дискуссии. Диалог поколений» при поддержке Фонда им. Г.Белля.